Эдмунд Гуссерль

Опыт и суждение. Исследования по генеалогии логики

Эдмунд Гуссерль

Эдмунд Гуссерль

Опыт и суждение. Исследования по генеалогии логики

«Автор»
2026

Гуссерль Э.

Опыт и суждение. Исследования по генеалогии логики / Э. Гуссерль — «Автор», 2026 — (Эдмунд Гуссерль)

Первый полный русский перевод «Опыта и суждения» Эдмунда Гуссерля (1939) — ключевого звена между «Анализами пассивного и активного синтеза» и «Идеями I–III». Гуссерль прослеживает генезис предикативного суждения из допредикативного опыта: от пассивной доксы и ассоциации через экспликацию и рецептивность к спонтанности предикации, категориальным предметностям, модальностям и всеобщности. Издание открывается введением переводчика, обосновывающим место текста в архитектуре феноменологии, и сопровождается развёрнутым научным аппаратом.

© Гуссерль Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Введение от переводчика. 5
Введение. 10
Смысл и границы исследования. 10
§ 2. Традиционное определение и привилегированное положение предикативного суждения и его проблемы. 12
§ 3. Двусторонность логической тематики. Проблема очевидности как исходный пункт субъективно направленных вопрошаний и её перескакивание в традиции. 14
§ 4. Ступени проблемы очевидности. Предметная очевидность как предварительное условие возможного очевидного суждения. 16
§ 5. Возвращение от очевидности суждения к предметной очевидности. 18
§ 6. Опыт как очевидность индивидуальных предметов. Теория предпредикативного опыта как первая часть генетической теории суждения 21
§ 7. Мир как универсальная почва веры, предданная для всякого опыта отдельных предметов 22
§ 8. Горизонтная структура опыта; типическая предзнакомость каждого отдельного предмета опыта 24
§ 14. Необходимость исходить в анализах из внешнего восприятия и суждения восприятия, и ограничение исследования 41
ПРЕДПРЕДИКАТИВНЫЙ (РЕЦЕПТИВНЫЙ) ОПЫТ 44
Глава I. ОБЩИЕ СТРУКТУРЫ РЕЦЕПТИВНОСТИ 44
§ 15. Переход к анализу внешнего восприятия. 44
§ 16. Поле пассивных предданностей и его ассоциативная структура. 45
§ 17. Аффекция (воздействие) и обращение Я. Рецептивность как низшая ступень активности Я. 47
§ 18. Внимание как тенденция Я. 49
§ 19. Опытная тенденция Я как «интерес» к испытываемому и её осуществление в «делании» Я. 50
§ 20. Более узкое и более широкое понятие интереса. 53
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Опыт и суждение. Исследования по генеалогии логики

Введение от переводчика.

«Опыт и суждение» как недостающее звено между лабораторией и системой

Настоящее исследование возникает из вопроса, который не был поставлен ни в первом, ни во втором томе «Лаборатории и системы», но который неявно определяет их отношение: **что происходит в том промежутке, где пассивный синтез становится предикативным суждением?** Том I («Лаборатория опыта») прослеживает конституирование времени, восприятия и пассивного синтеза на низшем уровне опыта. Том II («Система и метаобоснование») реконструирует вертикаль обоснования «Идей I», горизонталь конституирования «Идей II» и метауровень «Идей III». Но между «Анализами пассивного синтеза» и «Идеями I» лежит текст, который Гуссерль считал настолько важным, что работал над ним почти десять лет, — «Опыт и суждение. Исследования по генеалогии логики» (1939).

Этот текст не является «ещё одной книгой» в корпусе. Он есть **мост**, без которого оба тома двухтомника остаются разделёнными: Том I без «Опыт и суждение» был бы «лабораторией без выхода» — он описывает, как конституируется опыт, но не показывает, как из этого опыта возникает логика. Том II без книги «Опыт и суждение» был бы «системой без почвы» — он описывает структуры чистого сознания, но не показывает, как эти структуры укоренены в допредикативном опыте. Задача настоящего введения — обосновать это положение и показать, что анализ книги «Опыт и суждение» через оптику Томов I и II не только возможен, но и **необходим** для завершённости всей архитектуры (Том III).

1. Два вопроса — два тома — и вопрос, который остаётся

Архитектура двухтомника строится на различении двух вопросов. Том I отвечает на вопрос: **как возможен опыт?** — через генетическое ядро (триада пра-импрессия — ретенция — протенция, двойная интенциональность, абсолютный поток) и лабораторию опыта (восприятие вещи, кинестезис, аффекция, ассоциация, пробуждение, модализация, очевидность) . Том II отвечает на вопрос: **как из этого опыта строится система и почему она должна быть «первой философией»?** — через историческое обоснование («Философия Первая»), вертикаль («Идеи I»), горизонталь («Идеи II»), метауровень («Идеи III») и историческое измерение («Кризис», «Послесловие 1931 года»).

Между этими двумя вопросами остаётся **зазор**. Том I описывает допредикативный опыт — но не показывает, как из него возникает предикативное суждение. Том II описывает структуры предикативного сознания — но не показывает, как они укоренены в допредикативном опыте. Этот зазор не является «недостатком» ни одного из томов: он **структурно необходим**, потому что каждый том имеет свой вход и свою задачу. Но он требует **заполнения**, и «Опыт и суждение» есть именно это заполнение.

Гуссерль формулирует задачу в «Опыт и суждение» с предельной ясностью: «Прояснением происхождения предикативного суждения они стремятся внести вклад в генеалогию логики вообще». Это не «логика» в обычном смысле и не «психология суждения». Это **генеалогия**: прослеживание того, как логические образования (суждения, понятия, выводы) возникают из допредикативного опыта, не теряя при этом своей идеальности. Задача, которую ставит Гуссерль, есть задача **моста**: показать, что предикативное суждение не «висит в воздухе» и не «сводится» к опыту, но **укоренено** в нём через серию конститутивных шагов.

2. Почему Том I недостаточен без «Опыта и суждения»

Том I заканчивается там, где начинается «Опыт и суждения». В главе 8 («От времени к пассивному синтезу») мы показываем, что ассоциация, аффекция и внимание «функционируют» до всякой рефлексии, конституируя единство опыта. В главе 8.5 («Переход к активному синтезу») обозначаем переход от пассивного синтеза к активному — но **не развёртываем** его. «Опыт и суждение» и есть это развёртывание.

Первое. «Опыт и суждение» начинает с того, чем Том I заканчивается: с **допредикативного опыта** как «универсальной почвы веры» (§7). Гуссерль пишет: «До всякого вступления в силу познавательной деятельности предметы всегда уже есть для нас, преданы в простой достоверности» . Это не «новая тема» — это **продолжение** анализа пассивного синтеза, но с новой задачей: показать, как из этой «почвы» возникает предикативное определение.

Второе. Том I вводит различение «функция / данность» (4.7). «Опыт и суждение» **конкретизирует** это различение: пассивная докса — это функция (то, что «функционирует» до рефлексии), предикативное суждение — это данность (то, что «схвачено» как объект). Но между ними лежит **экспликация** (§24), которая и есть переход: «Процесс экспликации в его изначальности есть тот, в котором оригинарно данный предмет приводится к эксплицитному созерцанию». Без «Опыта и суждение» различение «функция / данность» остаётся абстрактным; с ним оно становится **процессом**.

Третье. Том I вводит триаду времени и сжатие временной перспективы. «Опыт и суждение» показывает, как **горизонтная структура опыта** (§8) укоренена в этой триаде: «всякий опыт имеет свой внутренний горизонт; и горизонт означает при этом сущностно принадлежащую всякому опыту и неотделимую от него индукцию в самом опыте». Внутренний горизонт (латентные определения предмета) и внешний горизонт (другие предметы) — это не «структуры сознания» в статическом смысле, а **временные структуры**: ретенция удерживает прошлое, протенция предвосхищает будущее, и из этого сплетения возникает то, что Гуссерль называет «предзнакомостью» предмета.

3. Почему Том II недостаточен без «Опыта и суждения»

Том II начинается с «Идей I» — но «Идеи I» предполагают то, что «Опыт и суждение» обосновывает. Вертикаль обоснования (эпохе, чистое сознание, трансцендентальный идеализм) работает только в том случае, если уже показано, **как** сознание конституирует предметность. «Опыт и суждение» и есть это «как».

Первое. «Идеи I» вводят различение ноэзиса и нозмы (§88), но не показывают, как **ноэматический смысл** возникает из допредикативного опыта. «Опыт и суждение» показывает это через **экспликативный синтез** (§24): «В схватывании особенностей мы познаём его, а их — лишь как его. Неопределённая тема S в развёртывании становится субстратом выступивших особенностей, и они сами конституируются в нём как его определения». Это и есть **генезис нозмы**: смысл «S есть p» не «прикрепляется» к предмету извне, а **вырастает** из экспликации.

Второе. «Идеи II» вводят горизонталь конституирования (природа, Leib, душа, дух), но не показывают, как **предикативное определение** укоренено в этих регионах. «Опыт и суждение» показывает это через **категориальное усмотрение** (§§58–62): положения дел, множества, отношения — это не «логические фикции», а **конституированные предметности**, которые возникают из допредикативного опыта через **спонтанность** предикации.

Третье. «Идеи III» вводят метауровень обоснования наук (различение регионов, рациональная психология, метод прояснения), но не показывают, как **научные понятия** укоренены в допредикативном опыте. «Опыт и суждение» показывает это через **типику** (§83): эмпирические понятия («собака», «дерево») возникают из **типической предзнакомости**, которая конституируется в пассивном синтезе. Научные понятия — это **радикализация** типики, а не её «отмена».

4. «Опыт и суждение» как мост: три операции.

Анализ «Опыта и суждение» через оптику Томов I и II покажет в томе III, что этот текст выполняет **три операции**, каждая из которых связывает лабораторию с системой.

Первая операция — дескриптивное прослеживание перехода от рецептивности к спонтанности. Том I описывает рецептивность (восприятие, экспликация, отношение). «Опыт и суждение» показывает, как из рецептивности возникает **спонтанность** предикации: «Субстрат экспликации становится субъектом, а экспликаты — предикатами, может произойти лишь так, что взгляд возвращается к известным образом скрытому единству, которое пассивно предконституировано внутри рецептивной активности». Это не «добавка» к Тому I — это **выявление** того, что в нём оставалось имплицитным: перехода от пассивного к активному.

Вторая операция — конкретизация «функции / данности» как процесса. Том I вводит различение «функция / данность» как структуру. «Опыт и суждение» показывает его как **процесс**: пассивная докса (функция) экспликация предикация (данность). Каждый шаг этого процесса — не «новый уровень», а **углубление** предыдущего: экспликация углубляет пассивную доксу, предикация углубляет экспликацию.

Третья операция — укоренение логики в опыте. Том II описывает логику как «систему». «Опыт и суждение» показывает, что эта система **укоренена** в допредикативном опыте: «Все логические образования… имеют своё смысловое основание в условиях, которым подчинено возможное делание очевидным последних субстратов суждения». Это не «сведение» логики к опыту (психологизм), а **выявление** её генезиса.

5. Методологическое обоснование: почему анализ возможен

Возможность анализа «Опыта и суждение» через оптику Томов I и II обоснована **трёхслойным статусом** двухтомника. Первый слой — это авторский перевод. Второй слой — реконструкция: триада, двойная интенциональность, абсолютный поток, «функция / данность», «два смысла начала», «сжатие» — эти различения, введённые в Томе I, могут применяться и к материалу «Опыта и суждение». Третий слой — авторские различения: они при анализе текста не «добавляются» к тексту Гуссерля извне, а помогут нам в томе III **выявить** то, что в нём остаётся на периферии.

Этот метод не является «произвольным». Он обоснован тем, что **«Опыт и суждение» и Том I имеют один и тот же предмет** — допредикативный опыт, — но рассматривают его с разных сторон: Том I — со стороны **конституирования** (как опыт возникает), «Опыт и суждение» — со стороны **генеалогии** (как из опыта возникает логика). Анализ через оптику Тома I **не «накладывает»** на «Опыт и суждения» чуждые ему различения, а **выявляет** в нём то, что уже есть, но не тематизировано.

Аналогично, анализ через оптику Тома II обоснован тем, что **«Опыт и суждение» и «Идеи I–III» имеют один и тот же предмет** — предикативное суждение, — но рассматривают его с разных сторон: «Идеи» — со стороны **системы** (структуры чистого сознания), «Опыт и суждение» — со стороны **генезиса** (как эти структуры возникают из опыта). Анализ через оптику Тома II **не «подчиняет»** «Опыт и суждения» системе, а **показывает**, что система укоренена в том, что «Опыт и суждение» описывает.

6. Структура анализа и его границы

Анализ в томе III будет строится по трём осям, соответствующим трём уровням архитектуры.

Первая ось — генетическое ядро (Том I, главы 4–6). «Опыт и суждение» начинается с допредикативного опыта, который предполагает триаду времени. Анализ показывает, как триада работает в «Опыте и суждении»: ретенция как «предзнакомость», протенция как «антиципация», пра-импрессия как «теперь» предмета. Граница этой оси: «Опыт и суждение» **не тематизирует** время явно; анализ выявляет его имплицитное присутствие.

Вторая ось — лаборатория опыта (Том I, главы 8–9). «Опыт и суждение» конкретизирует пассивный синтез: ассоциация как «слияние», аффекция как «выделение», модализация как «разочарование». Анализ показывает, как эти структуры работают в экспликации и предикации. Граница: «Опыт и суждение» **не тематизирует** аффекцию и ассоциацию так подробно, как «Анализы»; анализ выявляет их операциональную силу.

Третья ось — система (Том II, главы 3–4, 9, 15). «Опыт и суждение» обосновывает «Идеи I–III»: вертикаль (эпохе), горизонталь (регионы), метауровень (метод прояснения). Анализ показывает, как эти структуры укоренены в допредикативном опыте. Граница: «Опыт и суждение» **не тематизирует** интерсубъективность и историю; анализ выявляет эти границы как **структурные апории**, а не «недостатки».

7. Значение для архитектуры двухтомника

Анализ «Опыта и суждение» через оптику Томов I и II **завершит** архитектуру, но не «закроет» её. Он покажет (Том III) , что:

Первое. Два тома **не являются** «двумя книгами», которые «добавляются» друг к другу. Они являются **двумя измерениями одной архитектуры**, и «Опыт и суждение» есть **мост** между ними. Без этого моста Том I остаётся «лабораторией без выхода», а Том II — «системой без почвы».

Второе. Различения, введённые в Томе I («функция / данность», «два смысла начала», «сжатие»), **работают и** на материале «Опыта и суждения». Это не «доказательство» их истинности, а **подтверждение** их операциональной силы: они выявляют в «Опыте и суждении» то, что в нём остаётся имплицитным.

Третье. «Опыт и суждение» имеет **границы**, которые указывают за его пределы: к интерсубъективности (Том II, 9.7), к истории (Том II, 26.4), к «Кризису» (Том II, 24.3). Эти границы не являются «недостатками» текста — они являются **структурными апориями**, которые указывают на дальнейшие задачи.

Заключение

«Опыт и суждение» — это не «четвёртая книга» архитектуры и не «приложение» к ней. Это **недостающее звено**, которое делает архитектуру **единой**. Том I без «Опыта и суждения» был бы «лабораторией без выхода»: он описывает, как конституируется опыт, но не показывает, как из этого опыта возникает логика. Том II без «Опыта и суждения» был бы «системой без почвы»: он описывает структуры чистого сознания, но не показывает, как эти структуры укоренены в допредикативном опыте. «Опыт и суждение» заполняет этот зазор, показывая, что **предикативное суждение не «висит в воздухе» и не «сводится» к опыту, но укоренено в нём через серию конститутивных шагов** — экспликацию, идентификацию, предикацию.

Ссылки

1. Антонов В. Лаборатория и система: феноменология Гуссерля. Том I. Лаборатория опыта: время, восприятие, пассивный синтез. — Литрес, 2026. — 420 с. URL: https://www.litres.ru/book/valeriy-antonov-32980030/laboratoriia-i-sistema-fenomenologiia-gusserlia-tom-i-labo-74720128/

2. Антонов В. Лаборатория и система: феноменология Гуссерля. Том II. Система и метаобоснование. — Литрес. URL: https://www.litres.ru/book/valeriy-antonov-32980030/laboratoriia-i-sistema-fenomenologiia-gusserlia-tom-ii-sis-74733237/

3. Гуссерль Э. К феноменологии внутреннего сознания времени (Husserliana X) / Пер. В. Антонова. — Литрес. URL: https://www.litres.ru/book/edmund-gusserl-33483511/k-fenomenologii-soznaniya-vnutrennego-vremeni-72248554/

4. Гуссерль Э. Анализы, касающиеся пассивного и активного синтеза (Husserliana XI) / Пер. В. Антонова. — Литрес, 2026. — 730 с. URL: https://www.litres.ru/book/edmund-gusserl-33483/analizy-kasauschiesya-passivnogo-i-aktivnogo-sinteza-72250252/

5. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая (Husserliana III/1) / Пер. В. Антонова. — Литрес. URL: https://www.litres.ru/book/edmund-gusserl-33483/idei-k-chistoy-fenomenologii-i-fenomenologicheskoy-fi-72226525/

6. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга вторая (Husserliana IV) / Пер. В. Антонова. (Ссылки на §§ приводятся по немецкому изданию; цитаты — по переводу.)

7. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга третья (Husserliana V) / Пер. В. Антонова. — Литрес, 2025. — 250 с. URL: https://www.litres.ru/book/edmund-gusserl-33483/idei-k-chistoy-fenomenologii-i-fenomenologicheskoy-fi-72244774/

8. Гуссерль Э. Философия первая. Курс лекций 1923–24 (Husserliana VIII) / Пер. В. Антонова. — Литрес. URL: https://www.litres.ru/book/edmund-gusserl-33483511/filosofiya-pervaya-kurs-lekcii-1923-24-72282661/

Введение.

Смысл и границы исследования.

§ 1. Предикативное суждение как центральная тема в генеалогии логики.

Настоящие исследования посвящены проблеме происхождения. Прояснением происхождения предикативного суждения они стремятся внести вклад в генеалогию логики вообще. Возможность и необходимость такого предприятия, а также смысл вопросов о происхождении, которые здесь надлежит поставить, прежде всего требуют обсуждения. В этом прояснении происхождения, которое не имеет своим предметом ни проблему «истории логики» в обычном смысле, ни проблему генетической психологии, должно быть высветлено существо образования, вопрошаемого о его происхождении. Итак, задача состоит в прояснении существа предикативного суждения на пути исследования его происхождения.

Если благодаря этому может быть продвинута проблема генеалогии логики вообще, то основание этого заключается в том, что в центре формальной логики, какой она исторически стала, стоит понятие предикативного суждения, апóфансиса. Она в своём ядре есть апофантическая логика, учение о суждении и его «формах». Что она в своём изначальнейшем смысле не только такова, но что в полностью развёрнутой формальной логике, которая затем как формальная mathesis universalis включает в себя формальную математику, формальной апофантике противостоит формальная онтология — учение о нечто вообще и его модификациях, то есть о понятиях, таких как предмет, свойство, отношение, множество и т. п., — и что в традиционной логической проблематике всегда уже рассматривались вопросы из обеих областей, — это здесь лишь упоминается; трудные проблемы, касающиеся отношения формальной апофантики и формальной онтологии, их коррелятивной принадлежности друг другу, более того, внутреннего единства, ввиду которого их разделение оказывается лишь предварительным, основанным вовсе не на различии областей, а лишь на различии установок, — не могут быть здесь рассмотрены вновь[1]. Следует сказать лишь то, что все те категориальные формы, которые составляют тему формальной онтологии, достаются предметам в суждении; уже пустое понятие «нечто вообще», в котором предметы вообще мыслятся логически, нигде более не выступает, кроме как в суждении[2], и то же самое относится к его модификациям: «Подобно тому как свойство обозначает форму, первоначально выступающую в суждении несамостоятельно, которая, будучи номинализирована, даёт субстратную форму свойства, так в плюральных суждениях выступает множественное число, которое, будучи номинализировано, преобразуется в предмет в выделенном смысле — в субстрат, в предмет-о-котором — и даёт множество»[3]. То же самое следовало бы показать для всех остальных понятий, выступающих в формальной онтологии. Ввиду этого мы можем сказать, что учению о суждении не только по историческим, но и по предметным основаниям принадлежит центральное место во всей формально-логической проблематике.

Этим утверждением не должно быть предвосхищено сущностное определение того, что следует понимать в самом широком и всеобъемлющем смысле под «логикой» и «логическим». Скорее, это всеобъемлющее сущностное понятие может стать лишь конечным результатом феноменологического прояснения и исследования происхождения логического, как оно начато в «Формальной и трансцендентальной логике» и рассмотрено в отношении его принципиальных вопросов, а в настоящем исследовании проведено в одном фрагменте. Феноменологическое прояснение происхождения логического обнаруживает, что область логического гораздо шире той, которую до сих пор рассматривала традиционная логика, и оно одновременно обнаруживает скрытые сущностные основания, из которых проистекает это сужение, — именно

тем, что оно прежде всего возвращается к истокам «логического» в традиционном смысле. При этом оно находит не только то, что логическое достижение уже наличествует в тех слоях, в которых его не видела традиция, и что традиционная логическая проблематика вступает в силу лишь на сравнительно высоком этаже, но, более того, что именно в этих нижних слоях следует искать скрытые предпосылки, на основании которых только и становится в конечном счёте понятным смысл и право высших ступеней очевидностей логика. Лишь благодаря этому становится возможным размежевание со всей логической традицией и — как дальнейшая отдалённая цель феноменологического прояснения логики — обретение того всеобъемлющего понятия логики и логоса. Если, таким образом, область логического не может быть заранее очерчена, то её феноменологическое прояснение всё же нуждается в предварительном понятии о ней, которое только и указывает ей направление. Это предварительное понятие не может быть выбрано произвольно, но есть именно традиционно данное понятие логики и «логического» [4]. И в его центре стоит проблематика предикативного суждения.

§ 2. Традиционное определение и привилегированное положение предикативного суждения и его проблемы.

Суждение, апóфансис в смысле традиции, само по себе ещё есть титул, который заключает в себе многообразное. Так, прежде всего необходимо более точное определение нашей темы и взгляд на то, какие проблемы она в себе заключает, предуказанные ей традицией (§ 2). Лишь затем мы сможем шаг за шагом попытаться получить характеристику метода, который здесь надлежит применить и который заранее обозначен как генетический (§ 3 и сл.).

Через всю традицию проходят различения многообразнейших «форм» суждений, и то, что есть само «суждение», пытались фиксировать самым различным образом. Но с самого начала, со времён аристотелевского основания нашей логической традиции, твёрдо установлено, что для предикативного суждения вообще характерна двучастность: нечто «подлежащее» (ὑποκείμενον), о чём высказываются, и то, что о нём высказывается: κατηγορούμενον; в другом отношении, касательно его языковой формы, различаемые как ὄνομα и ῥῆμα. Каждое повествовательное предложение должно состоять из этих двух членов[5]. В этом заключается: всякое суждение предполагает, что наличествует предмет, нам преддан, о котором высказываются. Тем самым как бы преддан некий первообразец, который мы должны вопрошать о его происхождении как суждение. Мы должны здесь полностью оставить открытым, имеем ли мы при этом действительно дело с изначальнейшим логическим образованием. Только прояснение происхождения этого образования, традиционно определяемого как суждение, может дать ответ на этот, а также на все дальнейшие вопросы, которые с этим связаны: в какой мере предикативное суждение является преимущественной и центральной темой логики, так что она в своём ядре необходимо есть апофантическая логика, учение о суждении? Далее: каков способ связи этих двух членов, которые всегда уже различались в суждении, в какой мере суждение есть синтез и диэреза в одном? — проблема, которая постоянно составляла затруднение для логиков и до сегодняшнего дня не решена удовлетворительно. Что есть то, что в суждении «связывается» и «разделяется»? Далее: какая из многообразных традиционно различаемых форм суждения является изначальнейшей, то есть та, которая должна быть предположена как низшая и обосновывающая все остальные и по существу необходимости мыслима как наличная, чтобы на неё могли надстраиваться другие, «высшие» формы? Существует ли одна первоформа или несколько равноправных, стоящих рядом друг с другом, и если есть только одна, то каким образом все остальные могут быть сведены к ней как к изначальнейшей? Например, являются ли утвердительное и отрицательное суждения двумя равноправными, равнозначальными основными формами, стоящими рядом друг с другом, или одно из них имеет преимущество?

К этим вопросам ведёт традиционное определение суждения. Сверх того, однако, остаются открытыми ещё другие вопросы, на которые на нашем пути прояснения происхождения традиционно предданного как суждение нельзя ответить без дальнейшего, но ответ на которые был бы уже делом размежевания со всей традицией, что вышло бы за рамки настоящего исследования. Тем не менее пусть будут намечены некоторые из проблем, о которых здесь идёт речь. Со времён Аристотеля считается твёрдо установленным, что основная схема суждения есть копулятивное суждение, которое надлежит приводить к основной форме S есть p. Всякое суждение иного состава, например, форма глагольного предложения, согласно этому взгляду может быть без изменения логического смысла преобразовано в форму копулятивной связи: например, «человек идёт» логически равнозначно «человек есть идущий». «Есть» как часть ῥῆμα, в котором всегда «обозначается также и время», стоит в этом наравне с глаголом[6]. Итак, необходимо точное усмотрение того, что происходит в этой копулятивной связи, какова природа существа и происхождения копулятивного предикативного суждения, прежде

чем можно будет занять позицию по вопросу о том, действительно ли эта преобразуемость имеет право на существование и является ли различие лишь различием языковой формы, не указывающим на какое-либо различие логического смыслового достижения. Если же последнее всё-таки имеет место, то возникла бы проблема, как относятся друг к другу обе формы — копулятивное предложение, с одной стороны, и глагольное предложение, с другой: являются ли они равноизначальными смысловыми достижениями, или одна из них, и какая именно, является более изначальной? Итак, действительно ли в смысле традиции копулятивная форма S есть p представляет основную схему суждения? Далее, вопрос об изначальности этой схемы следовало бы поставить также и в отношении того факта, что в ней с самоочевидностью субъект полагается в форме третьего лица. В этом заключена предпосылка, что первое и второе лицо, суждение в форме «я есмь…», «ты еси…» не выражает логического смыслового достижения, которое отличалось бы от выраженного в предпочтительной основной схеме «оно есть…», — предпосылка, которая также ещё нуждается в проверке и которая вновь показала бы вопрос об изначальности традиционной основной схемы S есть p в новом свете.

§ 3. Двусторонность логической тематики. Проблема очевидности как исходный пункт субъективно направленных вопрошаний и её перескакивание в традиции.

Суждение, с которым связаны все эти вопросы, прежде всего преддано логику в его языковом оформлении как повествовательное предложение, и притом, как своего рода объективное образование, как нечто, что он, подобно другому сущему, может исследовать в отношении его форм и способов отношения. Познание со своими «логическими» способами действия всегда уже совершило свою работу, когда мы логически рефлектируем; мы всегда уже выносили суждения, образовывали понятия, делали выводы, которые теперь суть наше достояние познания, как таковое нам предданы. Это значит: интерес, который начинающий логик имеет к этим образованиям, есть не просто интерес к каким-либо образованиям определённой формы, но интерес к образованиям, которые притязают на то, чтобы быть осадком познаний. Суждения, которые он исследует в отношении их форм, выступают как притязающие познания. В этом заключается: до всякой логической рефлексии уже существует знание о различии между суждениями, которые суть действительное познание, которым присуща истина, и такими, которые суть лишь мнимое, лишь притязающее познание. До всякой логической рефлексии мы уже знаем о различиях истинного суждения от сперва мнимо истинного и впоследствии, возможно, оказывающегося ложным, правильного вывода от ошибочного и т. д.

Если же логик действительно направлен на логику в всеобъемлющем и серьёзном смысле, то его интерес поэтому направлен на законы формообразования суждений — принципы и правила формальной логики — не как на простые правила игры, но как на такие, которым должно удовлетворять формообразование, если через него вообще должно стать возможным познание [7]. Они значимы для суждений чисто по их форме, совершенно независимо от материального содержания того, что вкладывается в пустую форму как предмет суждения, субстрат суждения. Так они заключают в себе, так сказать, лишь негативные условия возможной истины; суждение, которое против них грешит, никогда не может иметь своим результатом истину, или, субъективно говоря, очевидность; оно не может быть очевидным суждением. Но, с другой стороны, даже если оно удовлетворяет требованиям этих законов, оно ещё не обязательно достигло своей цели — истины. Это усмотрение принуждает к вопросу о том, что сверх формальных условий возможной истины должно ещё прибавиться, чтобы познавательная деятельность достигла своей цели. Эти дальнейшие условия лежат на субъективной стороне и касаются субъективных характеров усматриваемости, очевидности и субъективных условий их достижения. Через тот факт, что суждения выступают как притязающие познания, но многое из того, что выдаёт себя за познание, впоследствии оказывается обманом, и через вытекающую отсюда необходимость критики суждений на их истинность, — логике изначально предуказана, правда, никогда не постигнутая традицией в её более глубоком смысле, двусторонность её проблематики: с одной стороны, вопрос о формообразованиях и их закономерностях, с другой — о субъективных условиях достижения очевидности. Здесь речь идёт о суждении как субъективной деятельности и о субъективных процессах, в которых образования в своём выступлении обнаруживают себя то как очевидные, то как неочевидные. Взгляд тем самым направлен на суждение как достижение сознания, в котором образования со всем их притязанием быть выражением познаний возникают, — область проблем, которую традиционная логика отнюдь не поставила, как это было бы необходимо, в центр своих рассмотрений, но которую она полагала возможным предоставить психологии. Тем самым от традиции кажется предуказанным,

что вопрос о происхождении, относящийся к суждению и логическому вообще, не может иметь иного смысла, кроме смысла субъективного обратного вопрошания в стиле генетической психологии. Если же мы отказываемся характеризовать нашу генетическую постановку проблемы как психологическую, более того, явно противопоставляем её психологическому вопросу о происхождении в обычном смысле, то это требует особого оправдания, которое одновременно позволит выступить своеобразию проводимых здесь анализов происхождения.

Предвосхищая, здесь пока следует сказать лишь следующее. Генетическая психология суждения в обычном смысле от нашего предприятия феноменологического прояснения происхождения суждения и затем феноменологической генеалогии логики вообще отделена с самого начала тем, что проблемы очевидности, которые ведь составляют естественный исходный пункт всякого субъективного обратного вопрошания относительно логических образований, никогда не были традицией серьёзно поняты и восприняты как проблемы. Заранее полагали, что знают, что такое очевидность; на идеале абсолютного, аподиктически достоверного познания полагали возможным измерять всякое познание и не приходили к мысли, что этот идеал познания, а тем самым и познания самого логика, которые ведь притязают на эту аподиктичность, в свою очередь, могли бы нуждаться в оправдании и обосновании происхождения. Так психологические усилия никогда не были направлены на саму очевидность — ни на очевидность просто судящего, ни на (аподиктическую) очевидность логика, касающуюся формальных закономерностей суждения; они не ставили очевидность под вопрос как проблему, но относились лишь к достижению очевидности, к избежанию ошибки через ясность и отчётливость мышления и т. п., чем логика многократно была заклеймена как психологистически определённая технология правильного мышления. Предстоит показать, что направление всякого субъективного обратного вопрошания в эти колеи не было простой случайностью, но что из глубоко лежащих оснований в горизонте психологической проблематики в принципе не могли возникнуть собственные и подлинные проблемы очевидности.

Для этого мы сначала попытаемся составить себе картину рода этих проблем (§§ 5, 6), чтобы лишь затем, ретроспективно, отдать себе отчёт о своеобразии метода, которому надлежит следовать при их решении, и о его дальности действия (§§ 7—10), а также о том, что принципиально отличает его от психологического генетического метода, и об основаниях, почему последний не мог овладеть этими проблемами (§ 11).

§ 4. Ступени проблемы очевидности. Предметная очевидность как предварительное условие возможного очевидного суждения.

Судящая деятельность при нашем субъективном обратном вопрошании принимается в расчёт как такая, которая служит стремлению к познанию. Познание чего? Говоря совсем обще, познание того, что есть, сущего. Если стремление к познанию должно направляться на сущее, на то, чтобы высказывать о нём, судя, что оно есть и как оно есть, то сущее должно быть уже преддано. И поскольку суждение нуждается в «подлежащем», о котором оно судит, в предмете-о-котором, то сущее должно быть преддано так, чтобы оно могло стать предметом суждения. Где бы ни вступала в игру судящая деятельность, где бы ни вступала в игру мыслительная деятельность всякого рода, явно или неявно, уже должны быть представлены предметы — пусто представлены или наглядно даны в самоданности; всякое мышление предполагает предданные предметы. Но если оно как судящая деятельность действительно должно привести к своей цели, к познанию, то есть если суждения должны быть очевидными суждениями, то недостаточно, чтобы каким-либо образом были предданы какие-либо предметы, и чтобы суждение направлялось на них, удовлетворяя при этом лишь правилам и принципам, предуказанным логикой в отношении его формы. Напротив, успех познавательного достижения предъявляет свои требования также и к способу предданности самих предметов в содержательном отношении. Они, со своей стороны, должны быть предданы так, чтобы их данность сама по себе делала возможным познание, то есть очевидное суждение. Они сами должны быть даны очевидно, как они сами.

Речь об очевидности, об очевидной данности означает здесь, следовательно, не что иное, как самоданность, тот способ, каким предмет в его данности может быть охарактеризован со стороны сознания как «сам наличествующий», «во плоти наличествующий» — в противоположность его простому воспроизведению в представлении, пустому, лишь указующему представлению о нём. Например, предмет внешнего восприятия дан очевидно, как «он сам», именно в действительном восприятии, в противоположность простому воспроизведению в представлении о нём — вспоминающем, фантазирующем и т. п. Очевидным мы обозначаем, таким образом, всякое сознание, которое в отношении своего предмета охарактеризовано как дающее его самого, без вопроса о том, адекватна ли эта самоданность или нет. Тем самым мы отклоняемся от обычного употребления слова «очевидность», которое, как правило, используется в случаях, правильно описываемых как случаи адекватной данности, а с другой стороны — аподиктического усмотрения. И такой способ данности охарактеризован как самоданность, а именно идеальностей, всеобщих истин. Но каждый род предметов имеет свой способ самоданности = очевидности; и не для каждого, например, не для пространственно-вещных предметов внешнего восприятия, возможна аподиктическая очевидность. Тем не менее и они имеют свой способ изначальной самоданности и тем самым свой способ очевидности.

В такой «очевидной» данности предмета при известных обстоятельствах может не заключаться ничего от предикативного оформления. Предмет как возможный субстрат суждения может быть дан очевидно, без того чтобы он должен был быть судимым в предикативном суждении. Но очевидное предикативное суждение о нём невозможно без того, чтобы он сам был дан очевидно. Это сначала не содержит ничего странного для суждений на основе опыта; более того, здесь, кажется, указанием на обоснованность предикативной очевидности в предпредикативной высказана лишь самоочевидность. Однако возвращение к предметной, предпредикативной очевидности получает свой вес и своё полное значение лишь с установлением того, что это отношение обоснования касается не только суждений на основе опыта, но всякого возмож-

ного очевидного предикативного суждения вообще, а тем самым и суждений самого логика с их аподиктическими очевидностями, которые ведь притязают на значимость «в себе» и безотносительно к их возможному применению к определённой области субстратов. Предстоит показать, что и они не имеют своим содержанием свободно парящих «истин в себе», но что в своей области применения они соотнесены с «миром» субстратов и что они тем самым в конечном счёте отсылают обратно к условиям возможной предметной очевидности, в которой даны эти субстраты (ср. § 9). Она есть изначальная очевидность, то есть та, которая должна наличествовать, если должно быть возможно очевидное предикативное суждение. То, что делает готовые наличные повествовательные предложения приобретениями познания и обосновывает их притязание на познание, — это нельзя усмотреть в них самих. Для этого требуется возвращение к способу предданности предметов суждения, к их самоданности или несамоданности, как к условию возможности успешного познавательного достижения, которое поставлено перед всяким, даже ещё столь безупречным в его логически-формальном качестве суждением и связью суждений (например, выводом).

Так для проблематики очевидности получаются две ступени вопросов: одна касается очевидности самих предданных предметов, соответственно их условий в предданности, другая — очевидного предикативного суждения, совершающегося на основе очевидности предметов.

Формальная логика не спрашивает об этих различиях в способе предданности предметов. Она спрашивает только об условиях очевидного суждения, но не об условиях очевидной данности предметов суждения. Она не вступает на первую из двух ступеней возможных направлений вопрошания, равно как и психология с её субъективными обратными вопросами не вступала на неё до сих пор. Но для феноменологического прояснения генезиса суждения это обратное вопрошание необходимо; оно впервые делает видимым то, что должно прибавиться сверх исполнения формально-логических условий возможной очевидности, чтобы суждение как деятельность, по своему существу направленная на познание, на очевидность, действительно могло достичь своей цели. Для него вопрос об очевидной данности предметов суждения, содержаний мысли, как предпосылки всякой очевидности суждения — как очевидности просто судящего, так и очевидностей самого логика, касающихся формальных закономерностей этого суждения, — имеет преимущество. Предметная очевидность есть более изначальная, ибо впервые делающая возможной очевидность суждения, и прояснение происхождения предикативного суждения должно прослеживать, как на предметной очевидности надстраивается очевидное предикативное суждение; и прежде всего для примитивнейших достижений предикативного суждения.

§ 5. Возвращение от очевидности суждения к предметной очевидности.

а) Простое суждение как интенциональная модификация очевидного суждения.

Но противопоставление предметной очевидности, очевидности данности субстратов суждения, и очевидности суждения само по себе в этой всеобщности ещё недостаточно, чтобы понять, где следует искать такую изначальную очевидность, какого она рода и каков собственно смысл этой изначальности. Для этого требуется возвращение в несколько ступеней, чтобы действительно достичь последне-изначальных предметных очевидностей, которые затем должны образовать необходимый исходный пункт для всякого прояснения происхождения суждения.

Сначала нам ведь предданы высказывания, образования как притязающие познания. Пока мы остаёмся при рассмотрении суждений в отношении их простой формы, они предданы нам в равной изначальности, идёт ли речь при этом о действительном познании или о лишь притязающем, о простых суждениях, и притом в гораздо большей мере о простых суждениях. Даже в мифических первых началах познания многообразнейшее суждение всякой формы идёт рука об руку с действительно познающим суждением, далеко превосходя его по полноте. Но как только мы спрашиваем об этом многообразно предданном суждении разнообразнейшей формы по различию очевидности, действительного познания, и неочевидности, лишь притязающего познания, простого суждения, — уже недостаточно рассматривать предданные суждения лишь в отношении их формы, лишь прочитывая их и понимая вслед за ними, действительно судя, судить вслед; но мы должны, сверх того, воспроизвести их в отношении актов познания, в которых они стали как изначальные результаты познания и могут каждый раз в повторении стать новыми — стать как те же самые, которые уже стали и всё же в «снова» становятся изначально. Ища таким образом феноменологический генезис суждений в изначальности их порождения, мы обнаруживаем, что простое суждение есть интенциональная модификация познающего суждения. Изначально очевидно порождённое суждение, познание, которое однажды было изначально приобретено в усматриваемости, может ведь в любое время быть воспроизведено неусматривающим образом, хотя и с отчётливостью [8]. Подумаем, например, о первом понимающем воспроизведении математической теоремы и о её последующем «механическом» воспроизведении. Так в общем значимо, что, рассматриваемое само по себе, в каждом сознании-я должны были предшествовать познания — сначала познания низшей ступени, затем высшей, — чтобы в их Folge стали возможны простые суждения. Это не говорит, что простые суждения в каждом случае суть мнемические осадки тех же самых суждений как суждений познания — даже противоречивые внезапные мысли, в момент веры выступающие как суждения, суть интенциональные превращения предшествующих познаний, в какой бы интенциональной опосредованности это ни происходило. Так непосредственные суждения, мыслимые как стоящие в непосредственности познавательно называемого способа порождения, суть изначальнейшие в мире суждения, и притом сначала каждого отдельного субъекта суждения.

Здесь уже видно, в каком смысле речь будет идти о вопросах генезиса. Это не первый (исторический и в самом индивиде в соответствующем смысле исторический) генезис и не генезис познания во всяком смысле, но то порождение, через которое, как суждение, так и познание возникает в своей изначальной Gestalt, в Gestalt самоданности, — порождение, которое при произвольном повторении снова и снова даёт то же самое, то же самое познание. Познание, как и суждение, судимое как таковое, не есть реальный момент познающей деятельности, который при повторении того же самого был бы лишь снова и снова тем же самым, но есть нечто «имманентное» в таком смысле, что оно в повторении дано само как тождественное

повторений. Одним словом, оно не реально или индивидуально имманентное, но ирреально имманентное, сверхвременное.

б) Опосредованные и непосредственные очевидности и необходимость возвращения к просто непосредственным познаниям.

Если мы таким образом внутри предданного нам многообразия суждений отделили очевидные, в изначальной очевидности в «снова» воспроизводимые, от неочевидных и не могущих быть приведёнными к очевидности, то всё ещё недостаточно выбрать из числа очевидных суждений любой пример, чтобы на нём изучить возникновение предикативной очевидности из предметной, предпредикативной очевидности. Напротив, и очевидные суждения стоят под противоположностью опосредованности и непосредственности. Опосредованные, например, заключение вывода, суть результаты обоснований, которые отсылают обратно к непосредственному познанию. Они действительно актуальны как познание лишь тогда, когда вся связь обоснования есть как синтетически единое единство актуального познания. Лишь в нём для самого опосредованно обоснованного возникает характер актуально присущего ему, но именно опосредованно присущего познания, так что опосредованные познания не могут быть порождены для себя с их характером познания. Следствие может быть приведено к очевидности (а это здесь означает: к очевидности истины, не к простой очевидности отчётливости) лишь тогда, когда и посылки могут быть приведены к очевидности и приводятся к ней. Так, следовательно, не произвольно, какого рода те очевидные суждения, которые мы должны привлечь, если хотим проследить обоснованность очевидности суждения в предметной очевидности. От опосредованных очевидностей суждения, опосредованных познаний не ведёт прямой путь к обосновывающим их предметным очевидностям, поскольку они сами, со своей стороны, ещё обоснованы в других, в непосредственных познаниях. Прежде чем мы сможем изучать формы опосредованных познаний и обоснований познания, мы должны, следовательно, сначала изучить формы непосредственных, простейших познаний, соответственно познавательных деятельностей. Они в генезисе познания, в формообразовании порождения познания суть изначальнейшие. Это значит: суть достижения, которые уже должны быть осуществлены, если должны стать возможными опосредованные. И они, очевидно, должны быть искомы в простых по их форме суждениях, то есть в таких, которые не обнаруживают себя уже через свою форму, например, форму следствия, как зависимые от других суждений в отношении их возможного обоснования и делания очевидными.

в) Непосредственные, «последние» суждения, соотнесённые с индивидами как последними, предметами-о-которых (последними субстратами).

Но и того недостаточно, чтобы мы возвращались к простым по их форме и непосредственным суждениям. Не всякое произвольное суждение такой простой формы может в равной мере служить тому, чтобы на нём проследить обоснованность очевидности суждения в предметной очевидности и понять, что собственно стоит под титулом предметной очевидности как проблема. Это касается способа предданности субстратов суждения. Но субстратом суждения, предметом-о-котором может стать всё и каждое, каждое нечто вообще; формальный характер логической аналитики состоит ведь как раз в том, что она не спрашивает о материальном качестве нечто, что для неё субстраты принимаются в расчёт лишь в отношении категориальной формы, которую они принимают в суждении (форма субъекта, форма предиката и т. п.), в остальном же остаются совершенно неопределёнными, символически обозначенными как то S, то p, что означает не что иное, как произвольно заполняемые пустые места. Например, форма категорического суждения и, ближе, атрибутивно определяющего ничего не говорит о том, содержат ли субстрат суждения и предикат суждения сами уже в своём ядре категориальные формы; субъект S, понятый как форма, специфицируется формально столь же хорошо через ещё неопределённый предмет S, как и через «S, которое есть a», «S, которое есть b» или «S, которое находится в отношении к Q» и т. п. Так и простые формы суждения, как «S есть

р», при той неопределённости, в которой формализация оставляет термины, в индивидуации через действительные суждения оставляют открытым, действительно ли они суть формы, непосредственно восходящие к оформлению последних субстратов, или же они содержат на месте терминов уже предметы-о-которых, которые сами, со своей стороны, суть уже категориальные образования, и это значит такие, которые отсылают к предшествующему суждению, в котором им достались эти формообразования. Понятие предмета как нечто вообще, как возможного субстрата суждения вообще, следовательно, в той формальной пустоте, в которой его использует формальная логика, недостаточно, чтобы уже на нём позволить нам изучить то, что мы называем предметной очевидностью в противоположность очевидности суждения. Ибо такие категориальные оформления, например, атрибутивные, какие уже могут содержаться в предмете суждения, отсылают обратно (и как — это предстоит проследить позже) к более ранним суждениям, в которых изначально предикативно этому предмету был приписан этот атрибут, отсылают, следовательно, к очевидности, которая сама, со своей стороны, есть уже очевидность суждения. Если мы, следовательно, хотим достичь области, в которой возможно нечто вроде предметной очевидности в противоположность очевидности суждения и как её предпосылка, то мы должны внутри возможных предметов суждения, субстратов суждения самих ещё различать между такими, которые сами уже несут на себе осадки более раннего суждения с категориальными формами, и такими, которые суть действительно изначальные субстраты, впервые вступающие в суждение как субстраты предметы, последние субстраты. Только они могут быть теми, на которых можно показать, что есть изначальная предметная очевидность в противоположность очевидности суждения.

Что может означать очевидная данность в отношении последних субстратов? Формальная логика не может сказать о последнем субстрате ничего больше, кроме того, что он есть категориально ещё совершенно неоформленное нечто, субстрат, который ещё не вступил в суждение и не принял в нём оформления, который, таким образом, как он дан очевидно, как он сам, впервые становится субстратом суждения. В этом одновременно заключается, что такой субстрат может быть только индивидуальным предметом. Ибо всякая, даже примитивнейшая всеобщность и множественность уже отсылает к совместному охвату нескольких индивидов и тем самым к более или менее примитивной логической активности, в которой охваченные уже получили категориальное оформление, оформление всеобщности. Изначальные субстраты суть, следовательно, индивиды, индивидуальные предметы; и каждое мыслимое суждение имеет в конечном счёте отношение к индивидуальным предметам, хотя бы и многообразно опосредованное. Если его субстратами являются всеобщие предметности, то они ведь в конечном счёте сами, в свою очередь, отсылают обратно к схватыванию всеобщего, которое распространяется именно на множественность предданных индивидов. Это значимо в конце концов и для совершенно неопределённых, формально-аналитических всеобщностей; ибо истины, относящиеся к ним, суть именно истины для произвольно открытого объёма индивидуальных предметов, имеют к нему применение.

[1]: Ср. «Формальная и трансцендентальная логика», § 33, S. 86 ff.

[2]: Там же.

[3]: Там же.

[4]: Там же.

[5]: Vgl. De interpr., a. a. O. und 21b 9.

[6]: Vgl. De interpr., a. a. O. und 21b 9.

[7]: Zum Unterschied der Wahrheitslogik von einer bloßen Analytik der Spielregeln vgl. Logik, § 33, S. 86 ff.

[8]: Zur Evidenz der Deutlichkeit vgl. Logik § 16, a, S. 49 ff.

§ 6. Опыт как очевидность индивидуальных предметов. Теория предпредикативного опыта как первая часть генетической теории суждения

Итак, вопрос о характере предметной очевидности есть вопрос об очевидной данности индивидов. А очевидность индивидуальных предметов в самом широком смысле составляет понятие опыта [1]. Опыт в первом и самом точном смысле определён таким образом, как непосредственное отношение к индивидуальному. Поэтому первые сами по себе суждения как суждения с индивидуальными субстратами, суждения об индивидуальном суть суждения опыта. Очевидная данность индивидуальных предметов опыта предшествует им, то есть их предпредикативная данность. Очевидность опыта была бы, следовательно, той последне-изначальной очевидностью, которую мы ищем, и тем самым исходным пунктом прояснения происхождения предикативного суждения. Теория предпредикативного опыта — именно того, который преддаёт изначальнейшие субстраты в предметной очевидности, — есть первая сама по себе часть феноменологической теории суждения. Исследование должно начать с предпредикативного сознания опыта и, восходя от него, прослеживать возникновение высших ступеней очевидностей.

При этом понятие опыта следует понимать так широко, чтобы под него подпадала не только самоданность индивидуального наличного бытия вообще, то есть самоданность в достоверности бытия, но и модализация этой достоверности, которая может превращаться в предположительность, вероятность и т. п.; более того, не только это, но и опыт в модусе «как если бы», данность индивидуального в фантазии, которая при соответствующем, свободно возможном изменении установки становится позициональным опытом возможного индивидуального.

Однако этого общего и ещё более или менее пустого понятия опыта, как оно было получено до сих пор, отнюдь недостаточно, чтобы понять смысл требуемого возвращения и в особенности понять, в какой мере такое прояснение происхождения, которое отыскивает обоснованность предикативных очевидностей в очевидностях опыта, не есть вопрос психологического генезиса и в принципе не может им быть. Сверх того, и логик будет располагать ещё достаточными возражениями против этого возвращения. Даже если он допустит очевидность опыта и тем самым сочтёт допустимым наше расширение понятия очевидности, ему всё же естественно представится, что очевидность суждения есть лучшая, та, при которой только и может идти речь о знании и познании в собственном смысле. Что же тогда должно дать возвращение из области эпистемы в область доксы, в область смутного опыта с его «обманчивой видимостью»? Разве предикативное суждение не остаётся единственным местопребыванием знания, подлинной и собственной очевидности? Даже если признать за опытом своего рода очевидность и допустить, что она генетически предшествует предикативной очевидности, разве её очевидность не худшего качества? Что же тогда должно достичь прояснение происхождения суждения, которое от его очевидности возвращает в измерение явно низшего ранга? Как может существо лучшего быть прояснено через возвращение к худшему?

§ 7. Мир как универсальная почва веры, предданная для всякого опыта отдельных предметов

Чтобы ответить на все эти вопросы, необходимо ещё более глубокое усмотрение в существо и структуру предпредикативного опыта. Свяжем для этого с уже сказанным. Понятие опыта как самоданности индивидуальных предметов было взято так широко, что под него подпадает не только самоданность индивидуальных предметов в модусе простой достоверности, но и модификации этой достоверности, даже как-бы-модификации действительного опыта. Если всё это и включено в понятие опыта, то всё же опыт в достоверности бытия обладает особой выделенностью. Не только каждое фантазийное переживание, каждая как-бы-модификация опыта даёт себя именно как модификация, как преобразование и переоформление прежних опытов и генетически отсылает к ним, но и модализации простой достоверности веры в предположительность, вероятность и т. п. суть модификации изначального простого сознания веры, в котором сначала всё сущее опыта просто преддано нам — пока дальнейший ход опыта не даст повода к сомнению, к модализации всякого рода. До всякого вступления в силу познавательной деятельности предметы всегда уже есть для нас, предданы в простой достоверности. Всякое начало познающей деятельности уже предполагает их. Они есть для нас в простой достоверности, то есть как мнимо сущие и так-сущие, как значимые для нас ещё до познания, и притом различным образом. Так они как просто предданные суть исходный пункт и побуждение для познавательной деятельности, в которой они получают форму и правовой характер, становятся сквозным ядром познавательных достижений, цель которых называется «истинно сущий предмет», предмет, каков он в истине. До вступления в силу познавательного движения мы имеем «мнимые предметы», просто мнимые в достоверности веры; до тех пор, пока дальнейший ход опыта или критическая деятельность познания не поколеблет эту достоверность веры, не модифицирует её в «не так, а иначе», в «предположительно так» и т. п., или же не подтвердит мнимый предмет как «действительно так сущий» и «истинно сущий» в его достоверности. Мы можем также сказать: до всякого познавательного движения уже лежит предмет познания как dynamis, который должен стать entelecheia. Пред-лежание означает: он аффицирует как выходящий из фона в наше поле сознания, или же: он уже на переднем плане, он даже уже схвачен, но лишь тогда пробуждает отличный от всех других интересов жизненной практики «познавательный интерес». Схватыванию же всегда предшествует аффекция, которая не есть аффицирование изолированного единичного предмета. Аффицировать значит выделяться из окружающего, которое всегда при этом присутствует, привлекать на себя интерес, возможно, познавательный интерес. Окружающее присутствует при этом как область предданности, пассивной предданности, то есть такой, которая без всякого участия, без обращения схватывающего взгляда, без всякого пробуждения интереса всегда уже налична. Эту область пассивной предданности предполагает всякая познавательная деятельность, всякое схватывающее обращение к единичному предмету; оно аффицирует из своего поля, оно есть предмет, сущее среди другого, уже предданное в пассивной доксе, в поле, которое само представляет единство пассивной доксы. Мы можем также сказать: всякой познавательной деятельности предшествует как универсальная почва соответствующий мир; и это означает сначала почву универсальной пассивной веры в бытие, которую предполагает всякое отдельное познавательное действие. Всё, что как сущий предмет есть цель познания, есть сущее на почве мира, само собой разумеющимся образом значимого как сущий. Единичное мнимо сущее в нём может оказаться несущим, познание может в отдельных случаях вносить коррекцию в мнения о бытии; но это означает лишь, что вместо так оно иначе, иначе на почве в целом сущего мира.

Эта универсальная почва веры в мир есть то, что предполагает всякая практика — как практика жизни, так и теоретическая практика познания. Бытие мира в целом есть самоочевидность, которая никогда не подвергается сомнению и не приобретается впервые через судящую деятельность, но уже образует предпосылку всякого суждения. Сознание мира есть сознание в модусе достоверности веры, не приобретённое через особый акт полагания бытия, выступающий в жизненной связи, через схватывание как налично-сущего или даже через предикативное экзистенциальное суждение. Всё это уже предполагает сознание мира в достоверности веры. Когда я в особенности в моём поле восприятия, например, глядя на книгу на столе, схватываю какой-либо объект, я схватываю нечто сущее для меня, что уже прежде было сущим для меня, уже было «там», «в моём кабинете», даже если я ещё не был на него направлен; равно как и весь этот кабинет, который теперь представлен в поле восприятия со всеми воспринимаемо выделенными предметами, уже был для меня, вместе с невидимой стороной комнаты и её знакомыми вещами, со смыслом «комната моей квартиры» на знакомой улице, улица в моём месте жительства и т. д. Так всё сущее, что нас аффицирует, аффицирует на почве мира, оно даёт себя нам как мнимо сущее; и познавательная деятельность, судящая деятельность направлена на то, чтобы проверить, истинно ли оно как то, каким оно себя даёт, как оно заранее мыслится, и истинно ли оно так-то и так-то сущее. Мир как сущий мир есть универсальная пассивная предданность всякой судящей деятельности, всякого вступающего в силу теоретического интереса. И если даже своеобразие последовательно развёртывающегося теоретического интереса состоит в том, что он в конечном счёте направлен на познание целокупности сущего, то есть здесь мира, то это всё же уже нечто позднейшее. Мир как целое всегда уже пассивно преддан в достоверности, и генетически изначальнее, чем направленность на его познание как целого, есть направленность на отдельное сущее, на его познание — будь то потому, что оно стало сомнительным в своём бытии или так-бытии и нуждается в критической проверке через познающую деятельность, будь то потому, что оно, несомненное в своём бытии, требует для целей практики более подробного рассмотрения.

§ 8. Горизонтная структура опыта; типическая предзнакомость каждого отдельного предмета опыта

Но то, что всякое схватывание отдельного предмета и всякое дальнейшее осуществление познания разыгрывается на почве мира, означает ещё больше, чем зависимость познавательной деятельности от области пассивно в достоверности предданного. Никогда познавательное достижение в отношении индивидуальных предметов опыта не совершается так, как если бы они впервые были предданы как ещё совершенно неопределённые субстраты. Мир для нас всегда уже таков, в котором познание уже многообразнейшим образом совершило свою работу; и потому несомненно, что нет опыта в первично-простом смысле опыта вещей, который, впервые схватывая эту вещь, принимая её к сведению, не «знал» бы уже о ней больше, чем при этом принимается к сведению. Всякий опыт, что бы он ни познавал в собственном смысле, что бы он ни видел, как оно само, eo ipso, необходимо имеет знание и со-знание относительно именно этой вещи, а именно о том, что ей свойственно, чего он ещё не увидел. Это предзнание содержательно неопределённо или несовершенно определено, но никогда не совершенно пусто, и если бы оно не со-значило, опыт вообще не был бы опытом об одной и этой вещи. Всякий опыт имеет свой горизонт опыта; всякий имеет своё ядро действительного и определённого принятия к сведению, имеет своё содержание непосредственно само-данных определённостей, но сверх этого ядра определённого так-бытия, сверх собственно, как «сам наличествующий» данного, он имеет свой горизонт. В этом заключается: всякий опыт отсылает к возможности, а со стороны Я — к возможности-для-меня, не только постепенно эксплицировать вещь, данную в первом взгляде, по тому, что при этом собственно само-дано, но и далее и далее приобретать опытно новые определения того же самого. Всякий опыт должен развёртываться в континуум и экспликативную сцепленность единичных опытов, синтетически единых как один-единственный опыт, открыто бесконечный опыт того же самого. Я могу для моих соответствующих целей иметь достаточно в действительно уже испытанном, но тогда я «просто прерываю» с «этого достаточно». Я могу, однако, убедиться, что никакое определение не есть последнее, что действительно испытанное всегда ещё, бесконечно, имеет горизонт возможного опыта того же самого. И этот горизонт в своей неопределённости заранее со-значим как пространство игры возможностей, предуказывая ход ближайшего определения, которое лишь в действительном опыте решает для определённой возможности, реализуя её в противоположность другим возможностям.

Так всякий опыт об отдельной вещи имеет свой внутренний горизонт; и «горизонт» означает при этом сущностно принадлежащую всякому опыту и неотделимую от него индукцию в самом опыте. Слово полезно, поскольку оно предуказывает (само будучи «индукцией») на индукцию в обычном смысле способа вывода и на то, что эта последняя при её действительно понимающем прояснении в конечном счёте отсылает обратно к оригинальной и изначальной антиципации. Исходя из неё, следовательно, должна быть построена действительная «теория индукции» (о которой так много и так тщетно старались). Но это сказано здесь лишь попутно; нам здесь важно лишь горизонтное строение опыта.

Эта изначальная «индукция» или антиципация оказывается модусом преобразования изначально учреждающих познавательных деятельностей, активности и изначальной интенции, то есть модусом «интенциональности», именно выходящей за пределы ядра данности, антиципирующей; но выходящей за пределы не только в смысле антиципирования определений, которые ожидаются как обнаруживающиеся на этом испытанном предмете, но и в другом отношении выходящей за пределы этой самой вещи со всеми её антиципированными возможностями будущего дальнейшего определения, выходящей за пределы к другим объектам, со-

сознаваемым одновременно с ней, хотя сначала лишь в фоне. То есть всякая испытанная вещь имеет не только внутренний горизонт, но имеет и открыто бесконечный внешний горизонт со-объектов (то есть горизонт второй ступени, соотнесённый с горизонтом первой ступени, его имплицирующий), таких, к которым я хотя в данный момент и не обращён, но к которым я в любое время могу обратиться как к отличным от теперь испытанного или в какой-либо типике подобным ему. Но при всём антиципаторно сознаваемом возможном различии других объектов одно им всем всё же обще: все соответственно одновременно антиципированные или лишь со-сознаваемые в фоне как внешний горизонт реальные суть сознаваемы как реальные объекты (соответственно свойства, отношения и т. д.) из мира, как сущие в едином пространственно-временном горизонте.

Это значимо сначала непосредственно для мира простого, чувственного опыта[2], для чистой природы. Но это значимо опосредованно также для всего мирского, то есть и для человеческих и животных субъектов как субъектов мира, для культурных благ, предметов пользования, произведений искусства и т. п. Всё мирское имеет участие в природе. Натурализация духа не есть изобретение философов — она, если её ложно истолковывать и использовать, есть основная ошибка, но именно только тогда. Но она имеет своё основание и своё право в том, что опосредованно или непосредственно в пространственно-временной сфере всё, что мирски-реально, имеет своё место; всё есть здесь или там, и место определимо, как места вообще, равно как всё пространственно-временно, то есть временно определимо через физические инструменты, будь то песочные или маятниковые часы или иные хронометры. Тем самым и всё нечувственное имеет участие в чувственном; оно есть сущее из мира, сущее в едином пространственно-временном горизонте.

Существование реального имеет поэтому никогда и никоим образом не иной смысл, кроме как в-существование, как бытие во вселенной, в открытом горизонте пространственно-временности, горизонте уже известных и не только теперь актуально сознаваемых, но и неизвестных, возможно, ещё имеющих прийти к опыту и будущей известности реальных. Единичные апперцепции делают сознаваемым единичное реальное, но неизбежно с одним, хотя и не становящимся тематическим смысловым составом, который простирается за их пределы, за весь состав единично апперципированного. В продвижении от соответствующего состава положенных единичных апперцепций к новому составу господствует синтетическое единство; вновь апперципированное обладает как бы прежде ещё пустым, ещё содержательно неопределённым горизонтом восполнения, смысло-исполняющим, который уже предуказан, но ещё не специфицирован и не определён. Так постоянно горизонт значимости, мир в бытийной значимости, сверх всякий раз в единичности и относительной определённости схваченного и приведённого к значимости есть антиципация в постоянном движении специфицирующего и подтверждающего исполнения.

Тем самым каждой единичной апперцепции, каждому соответствующему общему составу единичных апперцепций присуща смысловая трансценденция, с одной стороны, в отношении постоянно антиципируемой потенциальности возможных новых единичных реальных и реальных общих групп как имеющих быть испытанными в будущем в ходе осуществления вступления в сознание из мира, с другой стороны, также как внутренний горизонт в каждом уже выступающем реальном в отношении состава ещё не апперципированных признаков. Всякое вступающее в опыт как новое реальное стоит в мировом горизонте и как таковое имеет свой внутренний горизонт. В тематическом восприятии оно становится известным, поскольку оно в течение отрезка испытывания (как далеко он всякий раз может простираться) непрерывно представляет себя как само наличествующее, при этом эксплицируясь в свои отдельные признаки, свои что-моменты; они, со своей стороны, при этом также сознаваемы как представляющие себя сами, но именно со смыслом таких, в которых реальное показывает себя как то, что оно есть. На структуру такой экспликации мы вскоре должны будем подробно

остановиться. Всё, что так показывает себя и уже до экспликации воспринятого имплицитно налично, значимо по существу как-то от реального, что в этом восприятии собственно доходит до восприятия. Оно само есть больше, чем всякий раз доходящее до актуального знания и уже дошедшее: оно есть со смыслом, который ему постоянно сообщает его «внутренний горизонт»; видимая сторона есть лишь сторона, поскольку она имеет невидимые стороны, которые как таковые антиципированы как смыслоопределяющие. К ним мы можем всякий раз тематически обращаться, мы можем спрашивать о них, мы можем их себе наглядно представлять; например, после того как восприятие прервалось и из ознакомления стало дальнейшее значимое бытие как приобретённое и «ещё живое» знание (известность реального в отношении того, что из него собственно стало известно), мы можем заранее представлять себе, что могло бы и должно было бы принести дальнейшее восприятие как принадлежащее самому реальному. Всякое такое предварительное наглядное представление «apriori» причитающегося этому реальному имеет, однако, сущностное свойство неопределённой всеобщности. Это значит: если мы, например, относительно визуальной задней стороны вещи создаём себе визуальное предварительное наглядное представление, то мы хотя и получаем репродуцирующее созерцание (подобно воспоминанию), но не твёрдую, индивидуально связывающую нас определённость, как это имеет место при воспоминании — при условии полностью развёрнутой ясности с обеих сторон. Как только мы действительно продвигаемся к внутренней определённости, нам становится сознательным произвол получающегося и теперь долженствующего удерживаться как цвет вещи цвета. Всякое предварительное наглядное представление совершается в сознаваемой текучей вариабельности, в сознании возможности фиксировать варианты, например, как определённый цвет, но как свободный вариант, вместо которого мы с равным успехом могли бы допустить и другой.

С другой стороны, произвол всё же не безграничен. В колебании предварительного наглядного представления, в переходе от одного варианта или направления к временно удерживаемому другому мы остаёмся в единстве антиципации, а именно антиципации цвета задней стороны, которая, однако, как антиципация неопределённо всеобща, типическим образом антиципируя определённое как типически предзнакомое. В экспликации этой типической всеобщности в форме определённых «возможностей», которые открыты для действительного бытия этого цвета, получается пространство игры возможностей как эксплицитный «объём» неопределённой всеобщности антиципации. Поскольку вступающая в опыт вещь имеет бытийный смысл лишь как смысл соответствующего внутреннего горизонта, хотя из неё в фактическое и собственное знание вошло лишь ядро что-сущностей, вещь, всякое реальное вообще, как испытуемое имеет своё всеобщее «apriori», некую предзнакомость, как неопределённую, но как постоянно тождественно идентифицируемую всеобщность априорного типа, принадлежащего пространству игры априорных возможностей. Очевидно, тип охватывает и вошедшие в актуальное знание особенности, если мы берём тип как тотальный. В смене вступления и выступления что-сущностей постоянно сознаваемо реальное как единое и идентифицируемое, и к этому единству принадлежит общий тип как общий горизонт типической всеобщности, в который всё актуально становящееся известным включается как специфицирующее, более или менее совершенно исполняющее определение.

Что же касается внешнего горизонта, который смыслоопределяюще принадлежит к этому, к соответствующему единичному реальному, то он лежит в сознании потенциальности возможных опытов единичных реальных: как таких, которые каждое имеют своё собственное apriori как свою типику, в которой они необходимо антиципированы и которая через всякое исполнение в форме этих или тех возможностей инвариантного пространства игры остаётся инвариантной. Вся особенная типика особенных реальных (и констелляций реальных) окружена, однако, тотальностной типикой, принадлежащей всему мировому горизонту в его бесконечности. В потоке мирового опыта, конкретно полного сознания мира в его всякий раз дан-

ности, остаётся инвариантным бытийный смысл мир и тем самым инвариантным структурное строение этого бытийного смысла из инвариантных типов единичных реальностей.

Так фундаментальная структура сознания мира, соответственно в коррелятивном чекане мира как горизонта всех испытуемых единичных реальных, есть структура известности и неизвестности с принадлежащей ей сквозной относительностью и столь же сквозным относительным различением неопределённой всеобщности и определённой особенности. Горизонтно сознаваемый мир имеет в своей постоянной бытийной значимости субъективный характер знакомости в общем, как в общем, но потому всё же не в индивидуальных особенностях известный горизонт сущего. На всё, приходящее к особой значимости как сущее, распределяется эта неопределённо всеобщая знакомость, каждое имеет тем самым свою как известную форму, внутри которой проходят все дальнейшие различия между известностью и неизвестностью.

Эти грубые указания должны пока достаточны, чтобы мы получили понятие о существе и достижении предпредикативного опыта, о том, что всё уже находится в игре при опыте предмета, этой кажущейся последнести и изначальности примитивного схватывания. Обнаруживается, как, с одной стороны, верно, что истинно сущий предмет есть лишь продукт нашей познавательной деятельности, но как всё же для всякой познавательной деятельности, где бы она ни вступала в силу, это продуцирование истинно сущего предмета не означает, что она производит его из ничего, но как всё же всегда уже предметы предданы, как для нас всегда уже заранее преддано предметное окружение. С самого начала всё, аффицирующее в фоне, сознаваемо в «предметном схватывании», антиципаторно сознаваемо как-то: принадлежащее к каждому жизненному моменту поле восприятия с самого начала есть поле «предметов», которые как таковые схвачены как единства «возможного опыта» или, что то же, как возможные субстраты принятия к сведению. Это значит: то, что нас аффицирует со стороны соответствующего пассивно предданного фонового поля, не есть совершенно пустое нечто, какое-либо данное (у нас нет подходящего слова) ещё без всякого смысла, данное абсолютной неизвестности. Напротив, неизвестность всякий раз одновременно есть модус известности. По меньшей мере, то, что нас аффицирует, постольку с самого начала известно, что оно вообще есть нечто с определениями; оно сознаваемо в пустой форме определимости, то есть снабжено пустым горизонтом определений («неких» неопределённых, неизвестных). Коррелятивно достающееся ему схватывание с самого начала имеет открытый пустой горизонт (в «я могу», «я могу пойти», «рассмотреть поближе», «повернуть» и т. п.) подлежащих осуществлению экспликаций, естественно «неопределённо», «пусто» антиципированных. Всякое вступление в действительную экспликацию даёт ей интенциональный характер исполняющей, реализующей горизонтную интенцию (как пустую антиципацию); реализующей в определённых шагах, благодаря чему из неких, неизвестных определений становятся соответствующие определённые и отныне известные. Схватывание как «предмет вообще» — ещё в полной неопределённости, неизвестности — приносит с собой, следовательно, уже момент известности, именно как нечто, которое «каким-то образом есть», которое эксплицируемо и по тому, что оно есть, может стать известным; и притом как нечто, которое стоит в горизонте мира как целокупности сущего, которое само уже настолько известно, что оно есть сущее «в мире», коррелятивно говоря, сущее, которое должно войти в единство нашего текущего опыта.

Но ещё больше. Не только общее схватывание как «предмет», «эксплицируемое вообще» с самого начала предуказано развитому сознанию, но и уже определённая типизация всех предметов. С каждым новым, (генетически говоря) впервые конституированным предметом навсегда предуказан новый тип предмета, по которому с самого начала схватываются другие подобные ему предметы. Так наше предданное окружение уже преддано как многообразно оформленное, оформленное по его региональным категориям и типизированное по многоразличным особенным родам, видам и т. п. Это значит, что аффицирующее в фоне и схваченное в первом активном постижении известно в гораздо более широком смысле, что оно уже в фоне

пассивно схвачено не только как «предмет», испытуемое, эксплицируемое, но как вещь, как человек, как человеческое произведение и так в дальнейших особенностях. Оно имеет после этого свой пустой горизонт известной неизвестности, который следует описывать как универсальный горизонт «предмет» с особенными вписываниями или, вернее, предуказаниями — а именно для стиля подлежащей осуществлению экспликации с экспликатами соответствующего стиля. Этот горизонт тем самым всё же есть пустой, горизонт неопределённостей, неизвестностей как определимых, как подлежащих приведению к знанию и известности. Правда, иногда аффицирующее может быть лишено особой типизации, но по меньшей мере как объект, если оно есть чувственное данное, пространственный объект, оно схватывается, и притом само внутри всеобщей и совершенно необходимой формы «предмет вообще».

[1]: Ср. Logik, S. 181 ff.

[2]: О различии простого и обоснованного опыта ср. ниже § 12.

§ 9. Мир как горизонт всех возможных субстратов суждения. Обусловленный этим характер традиционной логики как логики мира

Как бы ни мыслились, таким образом, в формальной логике «термины» в суждениях, «S» и «p» и т. д., формализованно, всё же взаимозаменяемость того нечто, которое может быть вставлено в эти пустые места и которое, если суждения рассматриваются чисто в отношении их формы, может мыслиться совершенно произвольно в отношении своего что, имеет свою границу. Всё же не совсем свободно произвольно то, что здесь может быть вставлено, но остаётся никогда не ставшая явной предпосылка, что это нечто, которое вставляется, есть именно сущее, входящее в единство опыта, коррелятивно — в единство мира как целокупности испытуемого вообще, то есть не в единство лишь фактического опыта, но и всякого фантазийно возможного опыта: это сущее, если и не действительного, то всё же возможного мира. Следовательно, всё, что в свободном произволе может стать субстратом, предметом судящей деятельности, всё же имеет принадлежность друг другу, общую структуру, на основании которой только и может вообще дойти до осмысленных суждений. Оно связано тем, что оно вообще есть нечто, то есть тождественное в единстве нашего опыта и потому такое, что должно стать доступным в предметной очевидности в единстве нашего опыта[1]. Тем самым свободной вариабельности ядер положена граница, благодаря которой логика, без того чтобы это когда-либо нашло в ней выражение и было сделано видимым как её основная предпосылка, есть именно логика мира, мирски сущего[2]. Таким образом, сведение предикативной очевидности к очевидности предпредикативного опыта и доказательство генезиса предикативного суждения из предпредикативного мирового опыта не означает ограничения, которым ставилась бы под вопрос всеобщность образцового значения этого сведения; так, будто можно было бы возразить, что существуют ведь и предикативные суждения, которые не сводимы таким образом к предпредикативной очевидности опыта. Напротив, поскольку мы спрашиваем о генезисе традиционно предданного как логическое, мы тем самым действительно показали его генезис в универсальной всеобщности, потому что ведь молчаливая предпосылка этой традиционной логики состоит в том, что всё, что может вступить как субстрат в её суждения, есть такое, что принадлежит друг другу в единстве нашего опыта и потому сводимо к основному типу, типу сущего как мирски сущего, как универсальному стилю и инвариантной рамке, в которую всё должно укладываться.

Тем самым впервые становится вполне понятным то, что мы утверждали уже ранее (S. 12 f.), а именно что доказательство обоснованности предикативных очевидностей в предпредикативных представляет собой не просто генеалогию определённых видов предикаций и предикативных очевидностей, но генеалогию самой логики в фундаментальном фрагменте — потому что ведь все очевидности, и очевидности самого логика, имеют своё смысловое основание в условиях, которым подчинено возможное делание очевидным последних субстратов суждения.

О мироотнесённости традиционной логики и проблеме превосходящей её «последней логики» ср. там же § 92 a, S. 197 ff. и § 102, S.

§ 10. Возвращение к очевидности опыта как возвращение к жизненному миру. Разрушение идеализаций, скрывающих жизненный мир

На очевидностях опыта должны в конечном счёте обосновываться все предикативные очевидности. Задача прояснения происхождения предикативного суждения — доказать это отношение обоснования и проследить возникновение предпредикативных очевидностей из очевидностей опыта — после теперь достигнутого прояснения существа опыта оказывается задачей возвращения к миру, как он преддан в качестве универсальной почвы всех отдельных опытов, как мир опыта, непосредственно и до всех логических достижений. Возвращение к миру опыта есть возвращение к «жизненному миру», то есть к миру, в котором мы всегда уже живём и который образует почву для всякого познавательного достижения и для всякого научного определения. Теперь достигнутое усмотрение в существо опыта как мирового опыта позволит нам ответить на вопросы, касавшиеся смысла этого возвращения, на возражения, которые могут быть против него сделаны, и на методологическую характеристику этой генетической постановки вопроса как не-психологической.

Из уже сказанного следует, что в потоке нашего мирового опыта, как он соотнесён с всегда уже предданным миром, мы не найдём так вот запросто те искомые последне-изначальные очевидности опыта, то действительное первичное учреждение предпредикативной очевидности в надстраивании на совершенно изначальную, изначально учреждённую очевидность опыта. Для этого недостаточно просто вернуться от отдельных суждений, какие могут стоять перед нами как примеры, к способу предданности их субстратных предметов, как если бы от любого произвольного суждения как примера можно было бы без дальнейшего начать возвращение к последне-изначальной очевидности опыта. Напротив, чтобы представить себе структуру совершенно изначального приобретения познаний, мы должны всегда иметь в виду, в каком горизонте опыта неразрывно стоит каждое такое опытное достижение.

Мир, в котором мы живём и в котором мы познавательно-судяще действуем, из которого нас аффицирует всё, что становится субстратом возможных суждений, всегда уже преддан нам как пронизанный осадком логических достижений; он никогда не дан нам иначе, как мир, в котором мы или другие, чей опытный приобретение мы перенимаем через сообщение, обучение, традицию, уже логически судяще, познавательно действовали. И это относится не только к типически определённому смыслу, с которым каждый предмет как знакомый стоит перед нами в горизонте типической знакомости, но и к горизонтному предуказанию, к смыслу, с которым он вообще преддан нам как предмет возможного познания, как определимое вообще. Смысл этой предданности определён тем, что к миру, как он преддан нам, взрослым людям нашей эпохи, принадлежит всё, что естествознание Нового времени совершило в определениях сущего. И если мы сами даже не интересуемся естествознанием и ничего не знаем о его результатах, то всё же сущее заранее определено нам предданным по меньшей мере настолько, что мы схватываем его как в принципе научно определимое. Иначе говоря, для этого мира, который нам преддан, на основании традиции Нового времени само собой разумеющейся стала идея: «что бесконечная целокупность вообще сущего есть в себе рациональная целокупность, которая коррелятивно должна быть полностью подчинена универсальной науке» [3]. Эта идея мира как универсума сущего, подчинённого точным методам математико-физического естествознания, как в себе определённого универсума, фактические определения которого затем должна установить наука, стала для нас настолько само собой разумеющейся, что мы в её свете понимаем каждую отдельную данность нашего опыта. Даже там, где мы не признаём всеобщей обязательности и универсальной применимости «точных» естественнонаучных методов и познавательных идеалов, стиль этого способа познания стал настолько образцовым, что заранее существует убеждение, будто предметы нашего опыта определены в себе, а достижение

познания состоит именно в том, чтобы в приближении отыскать эти в себе существующие определения, установить их «объективно», как они суть в себе, — а «объективно» значит «раз и навсегда» и «для каждого». Эта идея определённости сущего «в себе» и того, что мир нашего опыта есть универсум в себе сущего и в себе определённого, стала для нас настолько само собой разумеющейся, что и для профана, когда он размышляет о достижении познания, эта его «объективность» с самого начала самоочевидна. Самоочевидно тем самым предполагается, что пространство нашего мира и время, в котором испытывается сущее и в котором стоит и сам наш собственный опыт, суть именно то пространство и то время, которые затем надлежит точно постичь как эти в себе сущие, — задача математико-физического естествознания. Столь же самоочевидно предполагается, что каузальная связь сущего, как она дана в опыте, есть та же самая, которая затем точно и объективно определяется в объективной науке как та, к которой относятся точные каузальные законы.

Тем самым с самого начала мир нашего опыта истолкован с привлечением «идеализации», причём уже не видно, что эта идеализация, ведущая к точному пространству геометрии, к точному времени физики, к точному каузальному закону и к тому, чтобы рассматривать мир нашего опыта как в себе так определённый, есть уже достижение познавательных методов, основывающихся на предданностях нашего непосредственного опыта. А этот опыт в его непосредственности не знает ни точного пространства, ни объективного времени и каузальности. Если даже всякое теоретически научное определение сущего в конечном счёте отсылает обратно к опыту и его данностям, то всё же опыт не даёт предметы так вот запросто, чтобы мышление, действующее на само-испытанных предметах, — эксплицируя, коллигируя, дизъюнгируя, относя, образуя понятия, дедуцируя, индуцируя, — без дальнейшего привело бы к предметам в смысле истинной теории, науки. Когда мы говорим о предметах науки, ищущей как таковой значимой для каждого истины, то это не предметы опыта, какими они суть чисто испытанные и на основе чистого опыта определённые в категориальных действиях, находящих своё адекватное выражение в предикативных предложениях как готовых образованиях этих действий. «Суждения опыта», говоря яснее, суждения, полученные только из изначальных порождений в категориальных актах, чисто на основе опыта — чувственного и обоснованного в нём опыта духовного бытия, — не суть окончательные суждения, не суть суждения науки в точном смысле — именно науки, работающей под идеями окончательности. Таким образом, по своей природе от других категориальных активностей отделяются логические активности идеализации и той математизации, которая предполагает идеализацию — выражаясь обобщённо, примерно как геометризация.

Математизация природы, подготовленная созданием евклидовой геометрии с её идеальными образами и со времён Галилея ставшая образцовой для исследования природы вообще, стала настолько само собой разумеющейся, что уже в её галилеевском создании с самого начала миру нашего опыта был подставлен точный мир и было совершенно упущено обратное вопрошание об изначальных смыслодающих достижениях, через которые из пространства созерцания с его смутной и текучей типикой становится точное пространство геометрии[4]. Такое обратное осмысление показало бы, что никакое фантазийное переформирование наглядных пространственных образов не ведёт к точным образам геометрии, но лишь метод идеализации наглядно данного; и так же для всех естественнонаучных определений, которые подкладываются сущему как его определения в себе. Было упущено тем самым, что этот метод идеализации в конечном счёте не совершает ничего иного, как бесконечно расширенное предвидение ожидаемого в опыте. И всегда упускается, что этот универсум определённостей в себе, в котором точная наука постигает универсум сущего, есть не что иное, как одеяние из идей, наброшенное на мир непосредственного созерцания и опыта, на жизненный мир, так что каждый результат науки имеет своё смысловое основание в этом непосредственном опыте и мире опыта и отсылает обратно к нему. «Это одеяние из идей делает то, что мы принимаем за истин-

ное бытие то, что есть метод» (там же), и что мы всегда уже понимаем мир нашего опыта в смысле наброшенного на него одеяния из идей, как если бы он был «в себе» таков. Так всякое обратное осмысление «чистого опыта», прежде всего уже привычные позитивизму осмысления этого рода, останавливается на уже идеализированной природе; и то же самое значимо для логика, когда он однажды спрашивает об опытных основаниях познания; и не менее значимо для психолога, который с самого начала рассматривает переживание как стоящее в корреляции с истинным бытием вещей, которое он полагает возможным найти в его объективной определённости и определимости. Так и логик всегда видит смысл познавательных достижений в достижении этого «в себе», «объективного» познания, их цель — в определении сущего «для каждого» и «раз и навсегда»; он забывает спросить, есть ли это смысл познавательного достижения вообще, та норма, которой может измеряться всякая судяще-познающая деятельность, или же, напротив, достижение познания должно измеряться по тому, на что нацелен изначальный опыт, по целеполаганиям, из него происходящим, из которых точное познание образует лишь одну возможную, — именно потому, что он вообще не может составить себе понятия об изначальном опыте вследствие наслоения на изначально данное (уже не понимаемой более как таковая) идеализации, происходящей из точной науки.

Если мы, следовательно, хотим вернуться к опыту в искомом нами последне-изначальном смысле, то это может быть только изначальный жизнемирной опыт, который ещё ничего не знает об этих идеализациях, но есть их необходимая основа. И это возвращение к изначальному жизненному миру не есть такое, которое просто принимает мир нашего опыта, как он нам дан, но оно прослеживает уже отложившуюся в нём историчность назад к её истоку — историчность, в которой мир впервые обрёл смысл «в себе» сущего мира объективной определимости на основе изначального созерцания и опыта. Поскольку логик не вопрошает обратно за это наслоение на мир изначального опыта идеализаций, но держится мнения, что изначальность опыта можно без дальнейшего восстановить в любое время, он и измеряет познание по этому идеалу точности, по эпистеме как точному, «объективному» знанию. По отношению к нему возвращение к предпредикативному опыту и усмотрение в то, что есть глубочайший и последне-изначальный слой предпредикативного опыта, означает оправдание доксы, которая есть область последне-изначальных, ещё не точных и не математико-физически идеализированных очевидностей. Тем самым обнаруживается также, что эта область доксы не есть область очевидностей низшего ранга, чем область эпистемы, судящего познания и его осадков, но именно область последней изначальности, к которой по смыслу отсылает точное познание, чей характер как лишь метода, а не как пути познания, сообщающего некое в-себе, должен быть усмотрен.

В этом не должно заключаться никакого обесценивания точного познания, равно как и аподиктических очевидностей самого логика. Это означает лишь прояснение пути, на котором можно достичь высших ступеней очевидностей, и скрытых предпосылок, на которых они покоятся и которые определяют и ограничивают их смысл. Они сами по своему содержанию тем самым не ставятся под вопрос. Напротив, остаётся в силе, что познание в них терминирует, что существенно его путь — восходить от доксы к эпистеме, — лишь бы над последней целью не были забыты исток и собственное право низших ступеней.

§ 11. Прояснение происхождения суждения и генеалогия логики в общем горизонте трансцендентальной, феноменологически-конститутивной проблематики.

По той же причине необходимое возвращение к изначальнейшим очевидностям опыта не может быть осуществлено средствами психологии. Такая психология, даже там, где она мыслится осуществлённой как чистая психология, относящаяся к чистому переживаемому и сознаваемо данному как таковому, как чистая внутренняя психология, могла бы в лучшем случае вопрошать обратно от предданной типики логических форм к сущностно принадлежащим таким формам субъективным достижениям, в которых образования этой формы вырастают как

очевидные образования. Но даже там, где она серьёзно взялась бы за проблему очевидности и проследила бы обоснованность очевидностей суждения в предпредикативных очевидностях, она всё же необходимо вопрошала бы обратно о переживаниях очевидности субъектов, которые именно уже суть субъекты нашего мира — мира, который уже есть мир, покрытый идеализациями и апперципированный в смысле этого наслоения. Она в своём обратном осмыслении логизирующей деятельности, из которой вырастают все очевидности суждения, остановилась бы на опыте, который уже совершенно само собой разумеющимся образом мыслится соотнесённым с идеализированным миром. Разрушение этих идеализаций, прорыв к их скрытому смысловому основанию изначальнейшего опыта — это уже не проблема, которую могла бы поставить себе сколь угодно широко и чисто проведённая психология. Ибо психологическая рефлексия о переживаниях, как они внутренне воспринимаемо доступны, не может привести к возникновению этого наброшенного на мир одеяния из идей из изначального жизнемирного опыта. Она берёт переживания как отдельные, различные друг от друга происшествия в нашем сознании, которые она как отдельные, правда, может исследовать и в отношении их возникновения, равно как логик исследует отдельные формы. Но всякая такая психологическая рефлексия приведёт к переживаниям, каковы они именно суть переживания, опыты о мире, о мире, который для этого субъекта всегда уже стоит готовым, и это значит — стоит как тот, над которым наука Нового времени уже совершила своё дело точного определения. Так психолог, правда, сможет, возможно, установить предлежание предпредикативного опыта отдельных актов перед предикативным, но собственный смысл этого возвращения как возвращения к более изначальному он не сможет сам по себе высветить. К переживаниям, как их психолог совершенно само собой разумеющимся образом находит, этот мир как коррелят исследуемых им переживаний всегда уже принадлежит; и от переживаний обратно он не имеет пути к истоку этого самого мира, который, конечно, тоже не есть иной, как происходящий из субъективных достижений, деятельностей познания, осуществления научных методов, через которые именно мир стоит перед нами как так-то и так-то определённый и в принципе in infinitum далее определимый в отношении своего истинного бытия.

Это тоже осадки субъективных достижений, интенциональных достижений — но интенциональности, которая не лежит открыто для взгляда рефлексии, но лишь имплицирована в осадках, которые на неё указывают. Эти интенциональные импликации и тем самым история самого мира, в которой субъект психологии уже находит себя как в готовом, раскрыть означает также возвращение к субъективному, через интенциональное достижение которого мир обрёл этот образ; но это возвращение к скрытой субъективности — скрытой, потому что не актуально показуемой в рефлексии в её интенциональном достижении, но лишь индицируемой через осадки этого достижения в предданном мире. Так обратное вопрошание об изначальнейших очевидностях есть тоже субъективное, но о субъективном в более радикальном смысле, чем он когда-либо может быть у психологии. Это разрушение всего, что уже наличествует как смысловые осадки в мире нашего настоящего опыта, обратное вопрошание от этих смысловых осадков к субъективным источникам, из которых они стали, и тем самым к достигающей субъективности, которая не есть субъективность субъекта, психологически осмысляя, уже противостоящего себе как этот ставший готовым мир. Это, напротив, та субъективность, через смысловые достижения которой мир, как он нам преддан, наш мир, стал тем, что он для нас есть: а именно уже не чистым миром изначального опыта, но миром со смыслом в себе точно определённого и определимого мира, в котором всё единичное сущее с самого начала и само собой разумеющимся образом дано нам как в принципе определимое по методам точной науки и по меньшей мере в принципе как в себе сущее в том смысле, который изначально происходит из идеализации математико-физического естествознания.

При этом для такого обратного вопрошания дело не в фактическом историческом возникновении этих смысловых осадков из определённой исторической субъективности, не в

субъективности определённых исторических личностей, в деятельности которых впервые была схвачена эта мысль математизации [5]; но этот наш мир становится нам лишь примером, на котором мы должны изучить структуру и происхождение возможного мира вообще из субъективных источников. Мы не могли бы понять это определённое историческое возникновение смысловых достижений из исторических субъектов, если бы мы не воспроизвели эти достижения в себе, если бы мы не пережили заново это возникновение достижений идеализации из изначального жизненного опыта, то есть если бы мы не могли сами в себе совершить это возвращение от скрытого жизненного мира с его одеянием из идей к изначальному мировому опыту и жизненному миру. Тем самым мы повторяем всю уже произошедшую историю субъективных достижений, которые прежде были скрыты, а теперь в воспроизведении стали явными, понятыми как таковые достижениями. И мы понимаем тем самым себя самих как субъективность, которая не находит себя, как в простой психологической рефлексии, уже в готовом мире, но которая все эти достижения, которым этот мир обязан своим становлением, носит в себе как возможные достижения и совершает их. Иначе говоря, мы понимаем себя в этом раскрытии интенциональных импликаций, в опросе смысловых осадков мира об их происхождении из интенциональных достижений, как трансцендентальную субъективность; причём под трансцендентальным не должно пониматься ничего, кроме inaugurированного Декартом оригинального мотива обратного вопрошания о последнем источнике всех образований познания, самоосмысления познающего о себе самом и своей познающей жизни, в которой все значимые для него научные образования целедеятельно происходят, сохраняются как приобретения и стали и становятся свободно доступными[6].

Говоря точнее, возвращение к конституирующей этот предданный мир трансцендентальной субъективности совершается в две ступени:

1. в возвращении от предданного мира со всеми его смысловыми осадками, с его наукой и научным определением к изначальному жизненному миру;

2. в обратном вопрошании от жизненного мира к субъективным достижениям, из которых он сам происходит. Ибо и он ведь не есть нечто просто предданное; и он есть образование, которое можно вопрошать о способах его конститутивного формирования. И здесь мы находим уже логические смысловые достижения, правда, логические не в смысле нашей традиционной логики, которая всегда уже имеет своей основой идеализацию в-себе-бытия и в-себе-определённости, но в смысле изначального логического достижения, которое сначала направлено на определение, познание в ограниченных и относительных горизонтах жизнемирного опыта. Но логические смысловые достижения суть лишь часть того, что способствует построению нашего опытного мира. К нему принадлежат также практические и эмоциональные опыты, испытывание в волении, оценивании и рукодействующем делании, которое, со своей стороны, создаёт свой горизонт знакомостей практического обхождения, оценивания и т. п. Но сюда принадлежат и все достижения чувственного опыта, через которые вообще доходит до конституирования мирового времени и пространства, и пространственных вещей, со-субъектов и т. д. Если таким образом прослежены низшие конститутивные достижения, которые сначала принадлежат к конституированию возможного жизненного мира, то дальнейшее есть конституирование объективного времени, математико-физической природы с её в-себе.

Прояснить всё переплетение достижений сознания, которое ведёт к конституированию возможного мира — возможного мира: это значит, ведь речь идёт о сущностной форме мира вообще, а не о нашем фактическом, действительном мире, — есть всеобъемлющая задача конститутивной феноменологии. В её рамки встраивается прояснение происхождения предикативного суждения как фундаментальная задача генеалогии логики, которая, понятая в этом общем горизонте и взятая в её полном и всеобъемлющем смысле, становится трансцендентальной логикой. Как таковая она должна исследовать участие логического, логических достижений сознания в самом широком смысле, достижений познающего разума в построении мира.

Как далеко простирается эта область логического, логического разума, что всё в построении мира следует понимать, как участие логического смыслообразования, логического достижения, и как широко поэтому следует брать понятие логоса, логического, — это, конечно, может быть установлено лишь в этих общих рамках конститутивной проблематики. Здесь задача сначала более скромная. Мы ещё не располагаем этим всеобъемлющим понятием логического, мы должны исходить из традиционного понятия и прослеживать включение и участие уже попавшего в поле зрения традиции как логика и логическое достижение в построении нашего опытного мира, а также ступень, которую оно занимает в этом построении. Так задача трансцендентальной логики, взятой в указанном всеобъемлющем и идеально завершённо мыслимом смысле, отделяется, с одной стороны, от задачи конститутивной феноменологии в целом, а с другой — от задачи генеалогии, то есть анализа происхождения и субъективного обоснования традиционной формальной логики. Лишь последняя задача прослежена здесь в одном фундаментальном фрагменте — в прояснении происхождения предикативного суждения [7].

§ 12. Исходный пункт единичных анализов. Различение простого и обоснованного опыта и необходимость возвращения к простейшему опыту

Эти указания должны быть достаточны, чтобы понять смысл возвращения от предикативной очевидности к предпредикативной, предметной очевидности, каковое есть возвращение к очевидности жизнемирного опыта. Теперь дело в том, чтобы из этих общих усмотрений извлечь следствия для правильного выбора исходного пункта конкретных единичных анализов и в общей области жизнемирного опыта отыскать те предпредикативные очевидности, в которых может быть показано происхождение предикативного суждения. Если мы и приобрели уже понятие опыта как предметной очевидности индивидуальных предметов, то всё же такой опыт, даже если разрушены все идеализации, наслаивающиеся на его изначальность, сам по себе ещё многообразен. Наш жизненный мир в его изначальности, лишь через разрушение тех смысловых слоёв подлежащей установлению, как уже упомянуто, не только мир из логических достижений, не только область предданности предметов как возможных субстратов суждения, как возможных тем познавательной деятельности, но он есть мир опыта в совершенно конкретном смысле, который ежедневно связывается с выражением «опыт». И этот повседневный смысл относится отнюдь не чисто к познавательному поведению, но, взятый в его наибольшей всеобщности, к габитуальности, которая наделяет одарённого ею, «опытного», в ситуациях жизни — будь то в определённо ограниченных или общепонятно взятых как установка к жизни в целом — уверенностью решения и действия; как, с другой стороны, под этим выражением подразумеваются и отдельные шаги «испытывания», в которых эта габитуальность приобретается. Так этот повседневно знакомый и конкретный смысл «опыта» указывает гораздо больше на практически действующее и оценивающее поведение, чем специально на познавательно-судящее.

От всего того, что составляет испытывание в этом конкретном смысле, мы сначала отвлеклись и в нашем обратном вопрошании от предикативного суждения и его очевидности непосредственно вернулись к области пассивной веры в бытие как сознания предданности субстратов суждения — почвы веры, которая была показана как почва мира и через которую каждый отдельный опыт есть опыт в горизонте мира. Но этот горизонт мира ведь таков, что он определён не только знакомостями сущего, происходящими из познавательной практики, но прежде всего и знакомостями, происходящими из повседневной жизненной практики рукодействующего делания. То, что мы, несмотря на это, мимо предуказанного тем самым широкого и конкретного понятия опыта тотчас взяли более узкое, оправдывается тем, что именно всякое мирское поведение — как практическое делание, так и чисто познающее — обосновано в опыте в этом смысле. Практическое действие, полагание ценностей, оценивание есть оценивание и действование на предданных предметах, на таких, которые именно уже стоят перед нами и трактуются в достоверности веры как сущие. Так область пассивной доксы, пассивной

веры в бытие, этой почвы веры есть основа не только каждого отдельного акта познания и каждого познавательного обращения, суждения о сущем, но и каждого отдельного оценивания и практического действия на сущем — основа, следовательно, и всего того, что в конкретном смысле называют «опыт» и «испытывание». Отнюдь не должно утверждаться, что от этой пассивной предданности сущего каждый раз и сначала должен быть совершён переход к познавательной активности; напротив, аффицирующее может тотчас дать побуждение к действию. Правда, примитивная познавательная активность, схватывание как так-то и так-то определённого сущего, кусок экспликации для этого всегда уже предполагается. Так это понятие опыта как очевидной данности, предданности, сначала пассивной, индивидуальных предметов имеет свою выделенность постольку, поскольку им обозначена основная структура всякого опыта в конкретном смысле. В пассивной доксе сущее преддано не только как субстрат для возможных подлежащих осуществлению на нём познавательных достижений, но и как субстрат для всех оцениваний, практических целеполаганий и действий. Чтобы нечто могло быть дано как полезное, прекрасное, страшное, отталкивающее, привлекательное или что бы то ни было, оно должно быть каким-то образом чувственно схватываемо налично, дано в непосредственном чувственном опыте, даже если мы вовсе не входим дальше в его восприятие, если мы не стремимся его эксплицировать, чисто созерцая схватить, развернуть в его чувственно воспринимаемых свойствах, но если оно и тотчас на основании этой чувственной наличности привлекает на себя наш практический или эмоциональный интерес, тотчас даёт себя нам как это полезное, привлекательное или отталкивающее — но всё это именно обосновано в том, что оно есть субстрат с просто чувственно схватываемыми свойствами, к которым всегда ведёт путь возможной экспликации.

Когда идёт речь об опыте, мы, следовательно, должны различать простой и обоснованный опыт. Мир, как он в пассивной доксе всегда уже преддан как целое и образует почву веры для всякого отдельного суждения, дан внизу в простом опыте, как мир просто чувственно схватываемых субстратов. Всякий простой опыт, соответственно всякий [опыт] с бытийным смыслом простого субстрата есть чувственный опыт — сущий субстрат есть тело, в согласованности опыта себя подтверждающее и как таковое значимое как истинно сущее тело. Универсальный чувственный опыт, мыслимый в универсальной согласованности, имеет бытийное единство, единство высшего порядка; сущее этого универсального опыта есть все-природа, универсум всех тел. Так в мире нашего опыта природа есть низший, всё остальное обосновывающий слой; сущее в его просто испытуемых свойствах как природа есть то, что как субстрат лежит в основе всех других способов опыта, на чём осуществляется наше оценивание и действование и что как инвариантное лежит в основе при всей меняющейся относительности его оценок, его пригодности для определённых целей, чтобы из природно данного «материала» всякий раз изготавливать различное. Всегда оно дано внизу как природное тело с его природными, в простом опыте доступными свойствами — хотя интерес и не должен на них направляться.

Если этот опыт есть оригинарно дающий, мы называем его восприятием, и притом внешним восприятием. Всё внешне-мировое мы воспринимаем как телесно сущее в пространственно-временной все-природе. Где мы наталкиваемся на животных и людей и на культурные объекты (предметы пользования, произведения искусства и что бы то ни было), там мы имеем не просто природу, но выражение духовного бытийного смысла; там мы выводимся за пределы области просто чувственно испытуемого. Восприятие чисто как чувственное восприятие направлено на голую телесность, просто прямо. Ему противостоит восприятие одного лишь воспринимаемого через понимание выражения, как понимание инструмента в его указующем «напоминании» о людях, которые его сделали для какой-то цели или для которых он должен быть предназначен; и затем опять непосредственно отпечаток телесного тела как тела человеческого. И то и другое предполагает чувственное восприятие обосновывающего выражение телесного и от него переход в рефлексию [8], которая, следовательно, опосредованно или

непосредственно приводит к конечной достоверности со-бытие человечески-личностного (я-ичного) или столь же животной субъективности и в этой обоснованной форме — сущее, которое не есть лишь телесно налично сущее, но вместе с тем и в отношении к нему субъективное. Это же не просто прямо испытываемо, воспринимаемо; оно испытываемо лишь в обосновании через просто чувственно испытуемое как вместе и в единстве с простым «воспринимаемо» налично, само налично. Рефлексия, следовательно, не есть восприятие, в котором можно просто быть направленным на воспринятое, но лишь надстроенное и при отвлечении от прямого направления. Когда я направляюсь на человека, то направление, тематический луч активности идёт сначала просто прямо на тело, то есть чувственно воспринимая; но он не терминирует в теле, но идёт дальше, в понимании выражения — к я-субъекту, то есть к его бытию в этом и том делании, направлении, занятости, имении мира, мирски-аффицированности и т. д. — насколько это находит выражение. И к этому необходимо принадлежит состав я-с суффиксом –lichсоотнесённости (**ichlich** = «относящийся к Я, принадлежащий Я, свойственный Я) с его телесным телом, которое для меня налично. Однако этот нормальный ход восприятия человека от чувственного восприятия его тела через выражение к принадлежащему, выражающему себя я-субъекту допускает и изменение установки: мы можем чисто обращать внимание на телесное, иметь дело с ним как с просто телесной вещью; выражение ещё понято, но понимание не функционирует актуально, я-субъект есть лишь, так сказать, фон, со-наличен, но внете-матичен.

Чтобы достичь действительно последних и изначальных очевидностей предпредикативного опыта, мы должны будем вернуться от этих обоснованных опытов к простейшим и притом вывести из действия всякое выражение. Ибо на понимание выражения отсылает всякий опыт, который находит сущее определённым иначе, чем по его природным свойствам, который устанавливает его как инструмент или что бы то ни было. В силе мы оставляем, следовательно, чисто чувственное восприятие и затем опыт вообще, рассматриваем мир чисто как мир восприятия и абстрагируем от всего того, что он несёт на себе из знакомостей и определений, которые происходят не из чисто воспринимающего поведения, но из нашего оценивания, как и из оценивания других — все те определения, следовательно, которые достаются ему из собственного или чужого личностного поведения. Мы обретаем тем самым чистую универсальную природу как пассивно предданную почву опыта, которая в последовательном продвижении чувственного восприятия даёт себя как в себе замкнутая связь, и притом чисто как воспринятая и воспринимаемая мной — ибо в моей актуальной области опыта я не имею теперь через выведение из действия выражения никаких других. Для конкретно сущего мира это означает абстракцию — слово, которое должно выразить сначала лишь выведение из действия, сначала оставление без рассмотрения того, что для меня налично и остаётся далее в силе. Этим не должно быть помыслено ни просматривание, ни понимание, будто природа существовала бы для себя одной и отдельно, или будто в изначальном образовании «представления о мире», бытийного сознания о мире, требовалось бы сначала систематическое формирование для меня сущей голой природы, которая затем только получила бы дальнейший бытийный смысл. Обо всём этом нет речи.

В этом абстрактивном ограничении опыта областью лишь для меня, осмысляющего, значимого уже заключено устранение всех идеализаций, устранение предпосылки объективности, значимости наших суждений «для каждого», которую традиционная логика, ориентированная на идеал точного определения в смысле научной окончательности, молчаливо всегда предполагала, как принадлежащую существу суждения. Ибо как только мы отвлекаемся от других, нет и значимостей, отсылающих к познавательной деятельности других, ещё нет смысловых осадков, которые делают то, что наш мир, как он нам дан, всегда уже понимается как точно определимый и через достижения науки, как она исторически наличествует, уже определённый под идеями окончательности.

Правда, известная идеализация заключается уже и в суждениях на основе опыта — в том, что мы обозначаем субстраты, которые выбираем в качестве примеров, общими именами, так что обозначенные так предметы по меньшей мере принимаются как известные для соответствующего языкового сообщества и суждения — как значимые для него. Опредмечивание и естественного опыта есть такое, к смыслу которого, следовательно, принадлежит уже значимость для всех — именно для всех соответствующего окружающего мира и сообщества. Предметы, о которых судят, предданы со смыслом «предмет для всех» — принадлежащих к этому. Это значимо и для определений в практической цели. Чтобы теперь прийти к изначальному суждению, к прослеживанию совершенно изначального достижения, которое совершается в судящем определении, мы должны отвлечься и от этого и делать так, как если бы достижения без всякого такого предуказания уже со-данного сообщества были всякий раз моими совершенно изначальными приобретениями. Трудность при этом, правда, состоит в том, что выражения нашего языка необходимо суть выражения всеобщего, коммуникативного смысла, так что с употреблением каких-либо обозначений предметов всегда уже навязывается по меньшей мере эта первая идеализация — значимость для языкового сообщества, — и всегда требуется новое усилие, чтобы удержать в отдалении этот навязывающийся смысл выражений — трудность, которая по существу присуща всякому исследованию радикальнейшим образом субъективного, поскольку оно всегда зависит от выражений с мирским смыслом и мирски-коммуникативным значением.

Мы прослеживаем, следовательно, суждение так, как если бы оно было суждением всякий раз только для меня, с приобретениями только для меня, и полностью отвлекаемся от коммуникативной функции суждения и от того, что оно всегда уже предполагает предшествующую коммуникацию — именно в том роде и способе, как оно преддало свои предметы, с каким смысловым предуказанием. Тогда только мы приходим к примитивнейшим строительным камням логического достижения, из которых построен наш мир. Предметы, которые так функционируют как субстраты, суть предметы, сначала мыслимые не как сущие для всех, также не как сущие для каждого члена ограниченного сообщества, но предметы только для меня; и мир, из которого они должны аффицировать, должен мыслиться как мир только для меня. Это методическое ограничение областью всякий раз собственного необходимо, чтобы действительно увидеть логическое достижение в его последней изначальности, в которой оно именно есть достижение всякий раз одного субъекта.

§ 13. Общее понятие суждения и предмета. Суждение как установление

Если отвлечься от всех этих наслоений на мир нашего опыта и сначала на всякий раз собственный опыт, то обнаруживается, что суждение уже и на этой низшей ступени, на которой оно есть суждение чисто на основе опыта и, ещё ограниченнее, всякий раз собственного опыта, имеет структуры, которые совпадают с теми из суждений под идеей окончательности. Не только, следовательно, область логического простирается таким образом и туда, где ещё нет научного абстрагирования, — выражением «суждение» обозначено всеобщее существо, которое по своей основной структуре во всех тех ступенях логического достижения, в которых оно выступает, есть то же самое; так что то, что показывается как структура предикативного суждения в рамках анализа, ограниченного простейшими опытами, имеет одновременно своё образцовое значение для усмотрения существа суждения и там, где оно стоит в высшей функции.

Если мы хотим заранее уже уточнить это всеобщее понятие суждения и принадлежащее к нему понятие предмета как субстрата суждения, то мы должны вернуться к связи, в которой суждение стоит с жизненным опытом в совершенно конкретном смысле. Всякий опыт в этом конкретном смысле покоится внизу на простой Ur-doxa, преддающей последние, просто схватываемые субстраты. Предданные в ней природные тела суть последние субстраты для всех дальнейших определений — как когнитивных, так и ценностных определений, и прак-

тических определений. Все они выступают на этих просто схватываемых. Но эта область Urdoxa, почва простого сознания веры, есть сознание, лишь пассивно преддающее предметы как субстраты. Сущее как единство тождества преддано в нём. Однако область доксы есть область текучего. Пассивно предданное единство тождества ещё не есть как таковое схваченное и удержанное предметное тождество. Напротив, схватывание, например, воспринимающее рассмотрение предданного чувственного субстрата, есть уже активность, познавательное достижение низшей ступени. Так в простом восприятии, в котором мы даём взгляду блуждать туда и сюда по предданному, аффицирующему предмету. Он показывает себя, тогда как «тот же предмет с разных сторон», и в рефлексии взгляд направляется на то, что он дан нам в перспективах, в оттенениях, в которых он показывает себя как этот один и тот же, на который направлено наше внимание. Тем самым и простое воспринимающее рассмотрение предданного субстрата оказывается нашим достижением, деланием, а не простым претерпеванием впечатлений.

Наивное сознание, которое сквозь все те перспективы, оттенения и т. п., в которых в восприятии является предмет, направлено на него самого в его тождестве, всегда имеет в виду лишь результат этого делания — предмет как так-то и так-то воспринимаемо себя эксплицирующий. Оно вовсе не замечает, что эта данность предмета, в этих чувственных свойствах, сама уже есть его достижение, познавательное достижение низшей ступени. Так оно будет склонно рассматривать восприятие, рассмотрение как претерпевание, как пассивное поведение, и этой пассивности принятия предданных предметов противопоставлять как активность лишь практику в более узком смысле — рукодействующее преобразование предданных вещей, а также порождение предикативных предложений, которые затем стоят как объективные образования, продукты. Таким образом, различение между активным поведением и пассивным принятием, претерпеванием для наивного, прямо на предданные предметы направленного сознания проходит в другом месте, чем для взгляда рефлексии, которая уже в этом принятии предданного, в его созерцающем схватывании находит момент активности и по отношению к нему должна обрести радикальнейшее понятие пассивности, чем оно есть у наивного сознания. Это понятие есть понятие чисто аффективной предданности, пассивной веры в бытие, в которой ещё нет ничего от познавательного достижения: простое «раздражение», исходящее от окружающе-мирски сущего, как, например, собачий лай, «который вот доносится до нашего уха», без того чтобы мы уже уделили ему внимание и обратились к нему как к тематическому предмету. Где бы ни шла речь о внимании, уже наличествует такая активность низшей ступени[9].

Всякое схватывающее обращение, которое удерживает данное в потоке чувственного опыта, внимательно к нему обращается, созерцая проникает в его особенности, есть уже достижение, познавательная активность низшей ступени, для которой мы уже можем говорить и о суждении. Сущее как единство тождества, правда, уже пассивно преддано, предконституировано, но лишь в схватывании оно удерживается как это тождественное единство, что, однако, ещё не должно заключать в себе ничего от предицирования.

Под суждением в смысле традиционной логики, правда, всегда понимается предикативное суждение, суждение, находящее свой языковой осадок в апóфансисе, в повествовательном предложении. Более того, всюду, где вещь — пусть даже лишь в связи практического обхождения — обозначается именем, в игре не только предпредикативное схватывание, но уже и предикативное суждение, соответственно — как осуществлённое смысловое достижение уже предполагается.

Но чтобы отграничить от этого теснейшего и собственного понятия, понятия предикативного суждения, более широкое понятие суждения, мы можем полностью отвлечься от этого и установить, что уже и при всяком предпредикативном опредмечивающем обращении к сущему в более широком смысле должно говориться о суждении. Так, например, сознание восприятия, в котором предмет стоит перед нами как сущий, как нами мнимый, есть суждение в этом более широком смысле. Если мы теперь ещё примем во внимание, что предпредикатив-

ное сознание, со своей стороны, имеет свои различные модусы ясности и смутности, что, с другой стороны, и предикативное суждение имеет свои собственные различия ясности и отчётливости, то самое широкое понятие суждения охватывает под собой все эти как предикативные, так и предпредикативные модусы. Суждение в этом смысле есть тогда титул для совокупности объективирующих (опредмечивающих) я-актов, на языке «Идей» — доксических я-актов. Как предпредикативное суждение как низшая ступень активности Я (как ступень рецептивности) — воспринимающего рассмотрения, экспликации и т. п. — отличается от высшей ступени, спонтанности предикативного суждения, вскоре будет подробно нас занимать.

Суждение в этом самом широком смысле я-с суффиксом -lichактивности низшей или высшей ступени не должно смешиваться с пассивным belief, который принимает Юм и следующий за ним позитивизм как datum на таблице сознания. Также и понятие суждения Брентано означает такое datum — во всяком случае, как показывает его учение о внутреннем сознании, не активность, излучающуюся из я-полюса. Всякий предданный предмет, который аффицирует из пассивного фона, имеет свою пассивную доксу. Это тот способ, каким он именно преддан, безразлично, направляется ли на эту предданность взгляд воспринимающего, опредмечивающего схватывания, или она тотчас становится темой практического действия. И уже пассивная конституция выделяющегося в фоне datum как единства во имманентной временности имеет пассивную доксу. Это не что иное, как принадлежащая пассивному согласованию интенциональностей в синтетическое единство достоверность веры, которая входит во всякую репродукцию модифицированно, но всегда как пассивная достоверность. Всё, что в интенциональной согласованности конституируется как единство, имеет «это сходится», достоверность бытия. Постольку мы уже имеем сущее или, субъективно говоря, веру, а где согласованность прорывается — несогласованность, модализацию веры. Постольку всякое пассивное сознание уже «конституирует предметы» — точнее, пред-конституирует. Но лишь активность опредмечивания, познания, я-с суффиксом –lich* (Рецептивность как низшая ступень **я-активности**) активность низшей и высшей ступени, которая не есть лишь пассивная докса, создаёт предметы познания и суждения.

*В русском языке суффикса, который механически давал бы такую же форму, нет.

Опредмечивание есть, следовательно, всегда активное достижение Я, активное верующее сознавание сознаваемого нечто; и это последнее через непрерывное протяжение сознания в его длительности есть единое, непрерывно то же самое. В отдельных актах, которые приходят к синтезу, оно сознаваемо как идентифицированное, как синтетически то же самое и всегда снова как-то же самое могущее быть узнанным, в том числе в свободно повторяемых воспоминаниях или в свободно порождаемых восприятиях (в подхождении и рассматривании ещё раз). Именно это тождество как коррелят идентифицирования, подлежащего осуществлению в открыто бесконечном и свободном повторении, составляет точное понятие предмета. Как всякая иная практика имеет свою практическую цель, то, на что направлено действие, так сущий предмет как сущий есть цель доксического, познавательного действия, действия экспликации сущего в его бытийные модусы, которые называются определениями. Это установление сущего, как оно есть и что оно есть, составляющее функцию судящего опредмечивания, становится, правда, установлением, к которому всегда можно снова вернуться и которое как таковое есть сохраняющееся приобретение познания, собственно лишь на высшей ступени, в предикативном суждении, находящем свой осадок в повествовательном предложении. Последнее как осадок приобретения познания свободно доступно, сохраняемо и сообщаемо. Лишь предикативное суждение создаёт приобретение познания и предметы познания в точном смысле, а ещё не просто рецептивное, судящее рассмотрение, хотя и оно уже создаёт знание, которое габитуально сохраняется. Всякое предикативное суждение есть шаг, в котором создаётся сохраняющееся приобретение познания. Оно в себе — и как, это покажут дальнейшие анализы — есть замкнутый шаг определения и первичная клетка тематического определения[10].

Правда, не всякое познавательно судящее опредмечивание, в том числе не всюду там, где оно предикативно и находит свой осадок в высказываниях, ведомо этой тенденцией к установлению «раз и навсегда», к «объективному» установлению. Речь может идти при этом и об установлении, которое служит лишь преходящим практическим целям, лишь для определённой ситуации или множества типически однородных ситуаций; например, судящее установление пригодности инструмента для тех и этих целей имеет смысл лишь в отношении ситуаций, в которых он именно используется. И так всякое установление ценностных свойств и практических свойств вещей имеет эту относительность к ситуации, в которой они ценны и практически пригодны. Она присуща всякому суждению, которое стоит в связи практики и служит лишь ей. Для такого, следовательно, «всегда снова», составляющее ведь смысл судящего установления, следует понимать лишь с ограничением, что оно относительно ситуации этой и этой типики. Но и в этой относительности сохраняется то, что есть отличительный признак всякой познавательной интенции, всякого судящего опредмечивания: что оно стремится создать сверх мгновенной ситуации приобретение познания, которое сообщаемо и в будущем пригодно к использованию; и это значимо не менее при нашем абстрактивном ограничении областью всякий раз собственного. Правда, речь идёт тогда об установлениях только для меня, но всё же об установлениях, которые ведут к приобретению познания — приобретению для меня — и на его обретение направлены.

[1]: Vgl. Logik, § 89b, S. 193 ff.

[2]: Über die Weltbezogenheit der traditionellen Logik und das Problem einer sie überholenden «letzten Logik» vgl. ebendort § 92 a, S. 197 ff. und § 102, S.

[3]: Vgl. E. Husserl, Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendentale Phänomenologie, Philosophia, Bd. I, 1936, S. 97.

[4]: Vgl. dazu und zum folgenden a. a. O., S. 99 und 124 ff.

[5]: Vgl. zur Methode dieses Rückgangs auch a. a. O., S. 152 ff.

[6]: Zu diesem Begriff des Transzendentalen vgl. a. a. O., S. 172 ff.

[7]: Bez. der Abgrenzung dieser Aufgabe gegenüber der umfassenden konstitutiven Systematik vgl. auch noch unten § 14.

[8]: Ein Ausdruck, der hier nur die Mittelbarkeit dieser Erlebnisweise andeuten soll; selbstverständlich ist eine «Reflexion» dieser Art total verschieden von der Reflexion im üblichen Sinne, der Rückwendung des Blickes von den geradehin erfassbaren Gegenständlichkeiten auf die eigenen Erlebnisse.

[9]: Vgl. dazu die ausführlichen Analysen unten §§ 15 ff.

[10]: Vgl. dazu unten § 20, c).

§ 14. Необходимость исходить в анализах из внешнего восприятия и суждения восприятия, и ограничение исследования

Если мы таким образом получили взгляд на связь логического достижения с потоком мирового опыта и на его функцию в нём, то теперь должно также выясниться, откуда нам надлежит начать, чтобы в аналитической единичной работе проследить возникновение предикативных форм суждения из предпредикативного опыта. Поскольку мы ищем элементарнейшее и всё остальное обосновывающее, это должно быть суждение, основывающееся на простейшем и непосредственнейшем опыте. Простейший опыт есть опыт чувственных субстратов, природного слоя всего конкретного мира. Так мы должны будем ориентироваться на суждение на основе внешнего восприятия, восприятия тел, чтобы на нём образцово изучить структуры предикативного суждения вообще и его надстраивание на предпредикативных достижениях.

Судящая деятельность, основывающаяся на чувственном восприятии и на экспликации, в которую восприятие по большей части тотчас переходит, и само это восприятие уже предполагают изживание чистого созерцательного интереса к предданным аффицирующим последним субстратам, телам. То, что в предпредикативной сфере сначала прослеживается, есть, следовательно, последовательное осуществление интереса восприятия. Этим не должно быть сказано, что в связи конкретного мирового опыта всегда тотчас должно дойти до такого. Напротив, правилом будет переход от αἴσθησις, от простого чувственного восприятия к действию, оцениванию и т. п., к схватыванию вещей как приятных, полезных и т. п., прежде чем когда-либо по особым основаниям может дойти до такого чисто созерцательного интереса. Я, конкретно живущее в своём окружающем мире, преданное своим практическим целям, отнюдь не есть прежде всего созерцающее Я. Для Я в его конкретном жизненном мире созерцание сущего есть установка, которую оно может принять иногда и мимолётно, без того чтобы она имела особую выделенность. Но последующее философское осмысление структуры мира непосредственного опыта, нашего жизненного мира, показывает, что созерцающему восприятию постольку присуща выделенность, поскольку оно раскрывает и делает темой структуры мира, которые всюду лежат в основе и всякого практического поведения, хотя и не становятся сквозным образом тематическими. Изживающий себя в созерцающе-воспринимающей деятельности интерес есть активирование фундаментальной αἴσθησις, пассивной Ur-doxa, того основного слоя, который лежит в основе всякого испытывания в конкретном смысле. Так внешнее восприятие и созерцательно-воспринимающий интерес имеют то преимущество, что в нём вещи схватываются так, что при этом тенденция суждения к установлению может исполниться легче всего. Ведь именно предметы чистого восприятия, просто чувственно схватываемые субстраты, природные вещи, и это значит вещи по их фундаментальному слою как природные тела, которые как таковые иррелятивны, при всех относительности окружающе-мирского обхождения с предданным держатся как пребывающие предметные тождества и могут быть установлены и охарактеризованы в суждении как таковые.

Так восприятие и суждение на основе восприятия не только соотнесены с инвариантом во всей смене и всей относительности окружающих миров, но и одновременно как последовательно изживающий себя созерцательный интерес суть в модификации, которая заключает в себе упомянутые идеализации, та установка, которая лежит в основе теоретической науки и делает возможным установление с целью объективности, «раз и навсегда» и «для каждого» значимого. Поэтому оно есть одновременно тот способ предпредикативной очевидности, на который опирается предикативное суждение, каким его имеет в виду традиционная логика; тогда как при её ориентации на научное установление и тенденцию к науке и учению о науке

переплетения познающего поведения с практическим и оценивающим не были поставлены под вопрос и не исследовалось, каково суждение, которое не служит таким образом чистому познавательному интересу, но практическому в самом общем смысле, и как на эту область предпредикативного, на практическую и эмоциональную очевидность надстраивается предикативная очевидность. Что здесь речь идёт о собственных источниках самоданности сущего, о раскрытии определённостей, которые по существу могут иметь место лишь в самом практическом действии, а не в простом созерцании, остаётся неоспоримым. Но именно об этих способах самоданности мы здесь не спрашиваем и не о том, как на них, возможно, надстраивается судящее опредмечивание; но мы делаем фикцию, что Я тотчас обращается к сущему, как оно ему пассивно-аффективно преддано, в чисто созерцательной активности, без всякого дальнейшего абстрагирования и интереса, кроме созерцательного. Иначе говоря, мы делаем фикцию субъекта, который ведёт себя только созерцательно и сущим, которым он окружающе-мирски аффицирован, не побуждается ни к какому практическому действию.

Тем не менее анализ созерцающего восприятия и надстраивающегося на нём предикативного суждения будет также и для дальнейших вопросов об отношении этой теоретической активности к практическому и оценивающему поведению иметь основополагающую важность. Ибо тот род и способ, каким на созерцательно воспринимающую активность надстраивается активность собственно предицирования, совершенно тот же, служит ли это созерцающее, чисто познающее поведение само служению действию или есть самоцель, и совершенно тот же, предшествует ли оно, со своей стороны, действию или следует за ним. Надстраивание предикативного синтеза на предпредикативном в обоих случаях по своей структуре одно и то же, лишь с тем различием, что именно там, где речь идёт о практически действующем поведении и соотнесённом с ним, служащем ему суждении, структуры, предлежащие предицированию, в предпредикативном слое сложнее и не суть просто восприятие.

Так предпочтение восприятия имеет дальнейшее основание в большей простоте. Ведь методологическое требование при таких анализах — начинать с более простого и лишь затем восходить к сложному. В этой области чисто созерцательного восприятия надстраивание предикативного суждения на предпредикативном воспринимающем испытывании легче всего доказать; здесь есть предметные очевидности, которые без дальнейшего могут быть показаны как предпредикативные, именно очевидность созерцающего восприятия и экспликации, которая ни в какой другой не обоснована. Показанные здесь синтезы приобретают тем самым значение образцовых. Исследовать более сложный переход к предицированию от практического поведения и в его связи, и род здесь идущих в расчёт синтезов было бы предметом собственных исследований.

То же основание большей простоты и прозрачности имеет место, когда анализы, чтобы получить на них пример предпредикативного судяще-познающего синтеза и основывающегося на нём предикативного синтеза, ориентируются прежде всего на восприятие покоящихся, неподвижных предметов и не втягивают гораздо труднее поддающееся анализу восприятие движения и суждение о движущемся сущем. Должно остаться открытым, какие модификации получились бы при его привлечении, причём, однако, основная структура синтеза и экспликации и надстраивающегося на них предикативного синтеза должна была бы оказаться сквозной.

В образцовом характере последующих исследований далее обосновано и то, что они будут держаться только категорического суждения. Задачей дальнейших исследований было бы провести подобный генетический вывод и для других форм суждения. Итак, темой является категорическое суждение на основе восприятия. И в этом заключается ещё одно дальнейшее ограничение: в восприятии предметы даны как действительно сущие, в противоположность фантазии. Фантазия тоже имеет свой способ данности предметностей; но это не действительные, а квазидействительные предметы, предметы в как-если-бы. Если мы противопоставим действительность и квазидействительность как область позициональности, с одной

стороны, и нейтральности, с другой, то с исключением фантазийных переживаний одновременно высказано ограничение рассмотрения областью позициональности, то есть сознания, дающего мнимо действительное бытие — по крайней мере для начала. В более позднем месте мы должны будем привлечь к рассмотрению и фантазийные переживания и суждения на основе фантазии.

Вряд ли нужно ещё раз подчёркивать, что так отграниченные анализы будут двигаться при отвлечении от со-бытия других в области бытия-только-для-меня, в которой ещё не может быть и речи о всех тех идеализациях, об одеянии из идей, наброшенном на мир чистого опыта. Здесь нам надлежит отыскать изначальнейшие, последне-обосновывающие очевидности, из которых происходит предикативное суждение. С этой изначальностью, однако, отнюдь не сказано, что эти исследования, будучи помещены в общий строй феноменологически-конститутивной систематики, касаются в нём совершенно элементарного слоя. Если они и начинают с анализа восприятия пространственно-вещных индивидуальных предметов, то всё же их темой не является конституция воспринимаемой вещи и далее пространственно-вещного внешнего мира; но структуры восприятия привлекаются лишь настолько, насколько это необходимо, чтобы понять, как на чувственно воспринимающий опыт надстраиваются логические достижения с их результатом — логическими образованиями, как на основе восприятия категориальные предметы, положения дел и всеобщие предметности порождаются через логическую спонтанность.

Итак, в том пункте, в котором начинаются наши анализы, уже предполагаются многообразные конститутивные слои и достижения; предполагается, что уже конституировано поле пространственно-вещных предданностей, и тем самым предполагается весь слой конститутивных исследований, относящихся к конституции восприятия вещи на всех его ступенях. Они касаются конститутивного формирования отдельных чувственных полей, взаимодействия отдельных чувственных полей, отдельных областей чувственности для восприятия полностью конкретной вещи, кинестез, отношения к нормально функционирующему телу воспринимающего, и так ступень за ступенью — сначала конституции чувственной вещи как покоящейся и в конце концов как стоящей в каузальной связи с другими вещами. Тем самым предполагается и уже произошедшая конституция вещи как временно́й, временно протяжённой, а с другой стороны — конституция отдельных актов, в которых конституируется пространственная вещность, во внутреннем сознании времени. Всё это — измерения конститутивных исследований, которые лежат ещё глубже, чем проводимые здесь, и на которые здесь должно быть лишь указано, чтобы существовала ясность относительно места, которое наши исследования занимают во всей конститутивной систематике.

ПРЕДПРЕДИКАТИВНЫЙ (РЕЦЕПТИВНЫЙ) ОПЫТ

Глава I. ОБЩИЕ СТРУКТУРЫ РЕЦЕПТИВНОСТИ

§ 15. Переход к анализу внешнего восприятия.

На актах внешнего восприятия как сознания телесного присутствия индивидуальных пространственно-вещных предметов должно в дальнейшем образцово изучаться, в чём состоит существо предпредикативного опытного достижения и как на нём надстраиваются предикативные синтезы. Если при этом в этой области восприятия, которая ведь образует лишь частичный отрезок из всей области доксических, объективирующих переживаний, различаются различные структуры, как структуры пассивной предданности и активного обращения Я, интереса, рецептивности и спонтанности, то при этом следует подчеркнуть, что такие различия не ограничены областью восприятия, да и вообще доксических переживаний, но что здесь речь идёт о структурах, которые в равной мере можно найти во всех других областях сознания. Существует, следовательно, не только изначальная пассивность чувственных данностей, «чувственных данных», но и пассивность чувствования, и в противоположность этому не только объективирующее активное обращение, как, например, в восприятии, но и такое же в оценивании, нравиться; и там тоже есть аналоги очевидности, а значит, и восприятия, как изначальной самоданности ценностей, целей и т. п.

Восприятие, воспринимающее обращение к отдельным предметам, их рассмотрение и экспликация, есть уже активное достижение Я. Как таковое оно предполагает, что нам уже преддано нечто, к чему мы можем обратиться в восприятии. И предданы не просто отдельные объекты, изолированно для себя, но всегда есть поле предданности, из которого нечто выделяется и так сказать «побуждает» к восприятию, к воспринимающему рассмотрению. Мы говорим, что то, что побуждает нас к восприятию, преддано в нашем окружающем мире, аффицируя нас из него. Но согласно нашим вводным рассуждениям мы хотим здесь отвлечься от того, что это всегда восприятие предметов мира, сначала нашего окружающего мира. Ибо в этом ведь заключается: это объективно сущее, такое, что есть не только воспринимаемое для меня, но и для других, для моих со-людей. Мы предполагаем лишь в указанном ограничении, что это есть поле выделенностей для меня, к которым я обращаюсь воспринимающе. Конституция самого этого поля была бы темой собственных, очень объёмных анализов. В рамках настоящего исследования должны быть достаточны некоторые краткие указания.

§ 16. Поле пассивных предданностей и его ассоциативная структура.

Возьмём поле пассивных предданностей в его — правда, лишь абстрактно устанавливаемой — изначальности, то есть отвлечёмся от всех тех качеств знакомости, от всей той привычности, с которой всё, что нас аффицирует (воздействует), заранее, на основании прежнего опыта, предстаёт для нас. Возьмём его так, как оно есть, прежде чем я-активность осуществила на нём какие-либо смыслополагающие достижения, — тогда оно в собственном смысле ещё не есть поле предметностей. Ибо предмет, как уже упомянуто, есть продукт опредмечивающего, я-активного достижения, а в точном смысле — достижения предикативно судящего. Но поэтому это поле всё же не есть просто хаос, простое «кишение» «данных», но поле определённой структуры, выделенностей и расчленённых единичностей. Чувственное поле, поле чувственных данностей, например, оптических, есть простейшая модель, на которой мы можем изучить эту структуру. Хотя чувственное поле — расчленённое единство чувственных данностей, например, цветов, — не дано непосредственно как предмет в опыте, в котором цвета всегда уже «схвачены» как цвета конкретных вещей, как поверхностные цвета, «пятна» на предмете и т. п., всё же в любое время возможно абстрагирующее обращение взгляда, в котором мы делаем сам этот апперцептивный (воспринимающий) подслой предметом. Это значит: абстрактно выделяемые чувственные данности сами уже суть единства тождества, которые являются в многообразном «как» и которые затем как единства сами могут стать тематическими предметами; теперешнее видение белого цвета при данном освещении и т. п. не есть сам белый цвет. Так и чувственные данности, на которые мы как на абстрактный слой на конкретных вещах можем в любое время направить взгляд, уже суть продукты конститутивного синтеза, который в качестве низшего предполагает достижения синтеза во внутреннем сознании времени. Они суть низшие, необходимо связывающие все остальные. Сознание времени есть первичное место конституирования единства тождества вообще. Но оно есть лишь сознание, производящее всеобщую форму. То, что совершает конституирование времени, есть лишь универсальная форма порядка последовательности и форма сосуществования всех имманентных данностей [1]. Но форма есть ничто без содержания. Длящаяся имманентная данность (datum) есть длящаяся лишь как данность своего содержания. Так что синтезы, производящие единство чувственного поля, суть уже, так сказать, более высокий этаж конститутивных достижений.

Рассмотрим теперь единое чувственное поле, как оно дано в имманентном настоящем, и спросим, как в нём вообще возможно сознание выделенной единичности и далее — какие сущностные условия должны быть выполнены, чтобы возникло сознание выделенной множественности одинакового или подобного.

Всякое такое чувственное поле есть единое для себя, единство однородности. Ко всякому другому чувственному полю оно стоит в отношении разнородности. Единичное в нём выделено тем, что оно контрастирует с чем-то, например, красные пятна на белом фоне. Красные пятна контрастируют с белой поверхностью, но между собой они слиты без контраста — правда, не так, что они перетекают друг в друга, но в своего рода дальнем слиянии: они могут быть приведены к совпадению как одинаковые. Правда, и во всяком контрасте остаётся нечто от родства и слияния; красные пятна и белая поверхность изначально родственны как визуальные данности. И эта однородность отлична от разнородности инородных, например, акустических, данностей. Так всеобщие содержательные синтезы выделенных чувственных данностей, всякий раз объединённых в живое настоящее сознания, суть синтезы по родству (однородности) и чуждости (разнородности). Можно, правда, сказать, что сходство между единичными

данностями не устанавливает никакой реальной связи. Но о реальных свойствах мы теперь не говорим, а о способе имманентной связи данных ощущения.

Родство, или сходство, может иметь различные степени с пределом совершеннейшего родства — бесстоятельного (бездистантного) равенства. Всюду, где нет совершенного равенства, рука об руку со сходством (родством) идёт контраст: выделение неравного на почве общего. Когда мы переходим от равенства к равенству, новое равное даёт себя как повторение. Оно приходит с первым в отношении своего содержания к совершенному бесстоятельному совпадению. Это то, что мы обозначаем как слияние. Даже когда мы переходим от подобного к подобному, наступает своего рода совпадение, но лишь частичное, при одновременном противоборстве неравного. И в этом надвигании подобия есть нечто вроде слияния, но именно лишь по одинаковому моменту — не чистое и совершенное слияние, как при полном равенстве. То, что в чисто статическом описании даётся как равенство или сходство, следует, следовательно, рассматривать уже как продукт того или иного рода синтеза совпадения, каковой синтез мы обозначаем традиционным выражением, но преобразуя его смысл, — как ассоциацию. Феномен ассоциативного генезиса и есть то, что господствует в этой сфере пассивной предданности, надстраиваясь на синтезах внутреннего сознания времени.

Титул «ассоциация» обозначает в этой связи принадлежащую сознанию вообще сущностную форму закономерности имманентного генезиса. То, что она может стать общей темой феноменологического описания, а не только объективной психологии, основано на том, что феномен указания есть нечто феноменологически показуемое. (Это усмотрение, уже выработанное в «Логических исследованиях», образовало там уже зародыш генетической феноменологии.) Всякое понимание ассоциации и её закономерности как своего рода психофизической естественной закономерности, которую надлежит получить через объективную индукцию (наведение), должно здесь остаться исключённым. Ассоциация здесь принимается в расчёт исключительно как чисто имманентная связь «одно напоминает о другом», «одно указывает на другое». Этот феномен мы можем конкретно увидеть лишь там, где имеем отдельные выделенности, отдельные данности как выделяющиеся из поля: одно напоминает о другом. И это отношение само феноменологически показуемо. Оно даёт себя в себе самом как генезис; один член охарактеризован со стороны сознания как пробуждающий, другой — как пробуждённый. Не всегда, правда, ассоциация дана первично (оригинарно) таким образом. Есть и случаи опосредованной ассоциации с перескакиванием через промежуточные звенья, то есть ассоциации, в которой промежуточные звенья и существующие между ними непосредственные сходства не приходят эксплицитно (явно) к сознанию. Но всякая непосредственная ассоциация есть ассоциация по сходству. Она по существу не может быть иной, как через сходство соответственно различной степени — вплоть до предела полного равенства [2]. Так и всякий изначальный контраст покоится на ассоциации: неравное выделяется на почве общего. Однородность и разнородность суть, следовательно, результат двух различных основных способов ассоциативного объединения. Другой, отличный от них, есть объединение присутствующего и неприсутствующего. Единство чувственного поля есть, следовательно, единство лишь через ассоциативное слияние (однородную ассоциацию), равно как его порядок и расчленение, а также всякое образование групп и равенств в нём установлены действием ассоциации: подобное пробуждается подобным и вступает в контраст с неподобным. Это можно сначала показать на структуре однородного чувственного поля, но затем это в равной мере значимо для всех, в том числе и для более сложных, данностей. И то, что мы обозначаем как поле восприятия, как поле пассивной предданности, к которому обращается воспринимающее схватывание, выделяя из него единичное как предмет восприятия, есть ведь уже «поле» гораздо более сложной структуры, уже конституированное через синтетическое объединение и взаимодействие нескольких чувственных полей.

§ 17. Аффекция (воздействие) и обращение Я. Рецептивность как низшая ступень активности Я.

Все выделенности в поле, его расчленение по равенствам и различиям и возникающее отсюда образование групп, выделение отдельных членов из однородного основания суть продукт ассоциативных синтезов многообразного рода. Но это не просто пассивные процессы в сознании: эти синтезы совпадения обладают своей аффективной (воздействующей) силой. Мы говорим, например, что выделенное своей непохожестью из однородного основания, выделяющееся «бросается в глаза»; и это значит, что оно развёртывает аффективную тенденцию, направленную на Я. Синтезы совпадения — будь то совпадение в неразличимом слиянии или совпадение при противоборстве неравного — обладают своей аффективной силой, оказывают на Я стимул (побуждение) к обращению, следует ли оно этому стимулу или нет. Если дело доходит до схватывания чувственной данности (datum; лат. «данное») в поле, то это всегда происходит на основании такой выделенности. Она выделяется своей интенсивностью из множественности аффицирующего (воздействующего). Например, в чувственной сфере тон, шум, цвет более или менее назойливы. Они лежат в поле восприятия и выделяются из него, оказывают — ещё не схваченные — на Я более сильный или более слабый стимул. Так и возникающая мысль может быть назойливой, или желание, влечение может назойливо подступать к нам из фона. Навязывание обусловлено более или менее резкой выделенностью, в чувственной сфере — контрастами, качественными разрывами (неоднородностями) значительной величины и т. п. В области нечувственных данностей о таких качественных разрывах, правда, нет речи; но и здесь есть нечто аналогичное: среди различных смутных напряжений мысли, которые нас волнуют, например, одна мысль выделяется перед всеми другими, оказывает ощутимое действие на Я, поскольку она, так сказать, теснится к Я навстречу.

Мы должны теперь различать те разрывы (в чувственной сфере прежде всего качественные или интенсивностные разрывы), которые «производят» навязывание, и то, что вообще подобным образом есть условие навязывания, — от самого навязывания. Назойливость имеет постепенные ступени (градации), и навязывающееся при этом приближается к Я или остаётся дальше: оно навязывается мне. Мы различаем, следовательно, то, что навязывается, и Я, которому оно навязывается. В зависимости от интенсивности назойливости навязывающееся имеет большую близость к Я или дальность от Я. Эти различия назойливости и различия соответствующих стимулов, направленных на Я, мы можем в поле сознания при ретроспекции вполне констатировать — это феноменологически показуемые данности, — равно как и связь этой градуальности с другими моментами: с непрерывной выделенностью, интенсивностью и прочими более опосредованными моментами, которые в целом принадлежат области широчайшим образом понятой ассоциации.

Нечто новое наступает, когда Я следует стимулу. Стимул интенционального объекта [3] в его направленности на Я притягивает последнее с более сильным или менее сильным влечением, и Я уступает. Градуальная тенденция связывает феномены — тенденция перехода интенционального объекта из статуса я-фона в статус я-противостоящего; превращение, которое коррелятивно (соотносительно) есть таково всего интенционального фонового переживания в переживание переднего плана: Я обращается к объекту. Само обращение есть сначала промежуточный процесс; поворачивание заканчивается бытием Я при объекте и его касающимся схватыванием. С этой уступкой Я наступила новая тенденция — тенденция, направленная от Я к объекту. Мы должны, следовательно, различать:

1. тенденцию до cogito (до «мыслю»), тенденцию как стимул (побуждение) интенционального фонового переживания с его различными степенями силы. Чем сильнее эта «аффек-

ция» (воздействие), тем сильнее тенденция к отдаче [себя], к схватыванию. Как уже затронуто, эта тенденция имеет две стороны: a) вторжение в Я — влечение, которое оказывает данное на Я; b) от Я — тенденция к отдаче, влекомость, аффицированность (подверженность воздействию) самого Я. От этих тенденций до cogito отлично

2. обращение как следование тенденции, иначе говоря, превращение тенденционального (направленного) характера интенционального фонового переживания, через которое оно становится актуальным cogito. Я теперь обращено к объекту, от себя самого тенденционально направлено на него. Так, вообще говоря, всякое cogito, всякий специфический я-акт есть осуществляемое от Я стремление, которое имеет свои различные формы развёртывания (реализации). Оно может развёртываться беспрепятственно или с препятствием, совершеннее или менее совершенно, о чём нам вскоре предстоит подробно говорить.

И эта тенденция имеет различные степени силы напряжения. Я может быть уже более или менее живо и в различном темпе нарастания интенсивности — возможно, и при внезапном притоке интенсивности — влекомо к аффицирующему. Соответственно и род, и темп следования могут иметь подобные различия, не будучи, однако, этим одним определены. Я не обязано полностью предаваться сильному стимулу, и оно может входить в него с различной интенсивностью. Повышение аффективной силы хотя и необходимо обусловлено определёнными изменениями в способе воспринимаемой данности объекта — например, гудка, приближающегося к нам локомотива; но подобное само по себе не должно непременно вызывать обращение. Не обращают внимания на бурный (мощный) стимул, когда говорят с «важной» персоной; и даже когда на мгновение оказываются побеждёнными, это может быть лишь вторичным обращением, обращением попутно, или же лишь мгновенной увлечённостью и отвлечённостью, без «углублённого» внимания к нему.

Осуществление обращения есть то, что мы обозначаем как бодрствование Я. Говоря точнее, следует различать бодрствование как фактическое осуществление я-актов и бодрствование как потенциальность (возможность), как состояние способности-осуществлять-акты, которое образует предпосылку для их фактического осуществления. Пробуждение есть направление взгляда на что-то. Быть пробуждённым — значит претерпевать действенную аффекцию (воздействие); фон становится «живым», интенциональные объекты приходят оттуда к Я более или менее близко, тот или иной действенно влечёт Я к самому себе (к объекту). Я — при нём (при объекте), когда обращается.

Поскольку Я в обращении принимает то, что ему преддано через аффицирующие стимулы, мы можем здесь говорить о рецептивности (восприимчивости) Я.

Это феноменологически необходимое понятие рецептивности отнюдь не стоит в исключающей противоположности к активности Я, под каковым обозначением (рубрикой) надлежит понимать все специфически исходящие от я-полюса акты; напротив, рецептивность следует рассматривать как низшую ступень активности. Я допускает к себе входящее и принимает его. Так мы различаем, например, под обозначением (рубрикой) восприятия, с одной стороны, простое сознавание в первичных (изначально дающих) явлениях (которые представляют предметы в первичной телесности, самоличности). Таким образом нам каждый раз предстаёт целое поле восприятия — уже в чистой пассивности. С другой стороны, под обозначением восприятия стоит активное восприятие как активное схватывание предметов, которые выделяются в простирающемся за них поле восприятия. Так же мы можем иметь поле воспоминания и можем уже иметь его в чистой пассивности. Но опять же просто воспоминательное явление ещё не есть активно схватывающее и с являющимся (тем, «что нам приходит на ум») занимающееся припоминание. Очевидно, обычное понятие опыта (восприятия, припоминания и т. п.) подразумевает активный опыт, который затем развёртывается как эксплицирующий (разъясняющий, развёртывающий; ср. следующую главу).

§ 18. Внимание как тенденция Я.

Что специально касается области объективирующих переживаний, доксических, в которых нам, пусть и фоновым образом, сознаётся «сущее», то это в общем соответствующее доксическое обращение, которое обычно имеют в виду психологи под вниманием. Между тем кто, целиком преданный красоте картины, живёт в удовольствии от неё, а не в вере в бытие, в интенции на сущее, и равным образом кто в осуществлении деятельного действия целиком живёт в волевом осуществлении, называется в обычной жизни тоже «внимательным», внимательным к красоте, внимательным к своему деятельному событию на различных стадиях вплоть до завершённого произведения. Правда, здесь часто одно переходит в другое и переплетается: схватывание бытия в вере в бытие (соответственно, истолкование бытия, истолкование сущего, как оно есть) и оценивающее, соответственно деятельное действие; так, например, что доксическое делание обосновывает ремесленное, и последующее доксическое установление готовности, соответственно готового произведения, соединяется с практическим отставлением в сторону для будущего использования. Ясно также, что всякое не-доксическое обращение и продолжающееся занятие чем-то свободно оставляет изменение установки в доксическую, которая схватывает происходящие из той образования достижений как сущее и деятельно их истолковывает.

Вообще внимание, есть принадлежащее сущностной структуре специфического акта Я (я-акта в точном смысле слова) тенденцирование Я к интенциональному предмету, к постоянно в смене способа данности «являющемуся» единству, и притом как осуществляюще-тенденцирование. Начинающееся с обращением осуществление, точка вступления осуществления акта есть начало продолжающейся осуществляющей направленности Я на предмет. Начало предуказывает направление дальнейшего, синтетически единого (хотя, возможно, и многозначно продолжаемого) процесса осуществления, в котором фаза за фазой исполняется доставшаяся ему от вступления и прежних осуществлений тенденция, но одновременно тенденциозно продолжается и предуказывает на новые стадии исполнения. Так до «конца» или до прерывания, возможно, в форме «и так далее». Начало имеет, следовательно, интенциональный горизонт, оно указывает за свои пределы пустым образом, лишь в последующих реализациях становящимся наглядным; оно имплицитно отсылает к непрерывному синтетическому процессу (возможно, неопределённо — к какому-либо из направлений, которые надлежит избрать, многомерности возможных процессов), через который сквозным образом простирается непрерывно единая тенденция. Она имеет в протекании непрерывно преобразованные модусы исполнения, каждый с характером промежуточного исполнения, которое ещё горизонтно указывает на новые исполнения.

Ко всем интенциональным переживаниям принадлежит это сущностное различие в модусе тенденции: либо «в» переживании Я деятельно живёт, в нём направлено на интенциональную предметность, ею занято, либо же это не имеет места; причём в благоприятном случае от переживания — модус фонового переживания — соответственно от интенционального предмета в нём имеет место пробуждающее влечение к Я, пробуждающее раздражение с различной аффективной силой идёт к (в случае бодрствования уже иначе деятельному) Я.

§ 19. Опытная тенденция Я как «интерес» к испытываемому и её осуществление в «делании» Я.

Особый случай внимающих интенциональных переживаний, стоящих в осуществлении я-актов, суть доксические акты, направленные на сущее (в возможной модализации: возможно сущее, предположительно сущее, не сущее); среди них — созерцающие в различных модусах интенциональной непосредственности, соответственно опосредованности, в конечном счёте очевидные, дающие само сущее опыты (говоря совсем точно: доксические опыты, поскольку опыт и созерцание можно понимать так широко, что ими охватываются все роды актов и предметов). Когда мы в дальнейшем говорим о внимании, в особенности о восприятии и воспоминании, всегда имеются в виду доксические акты.

Как уже было сказано вообще, так и здесь: вступление обращения, внимания к сущему приводит в игру тенденциозное поведение, стремление. Это реализующее стремление, делающее в его различных формах прерывания или завершения. Начало акта восприятия с обращением есть хотя уже сознание бытия при самом объекте — восприятие ведь есть сознание схватывания объекта в его, так сказать, телесном присутствии. Но тенденция от Я со вступлением обращения ещё не пришла к своему завершению. Она хотя и направлена на объект, но сначала лишь прицеливающаяся на него. Мы можем сказать, что с ней пробудился интерес к предмету восприятия как сущему. Мы непрерывно направлены на него самого, мы осуществляем непрерывное сознание его испытывания. Сознание его наличного бытия есть при этом актуальная вера; в силу согласованности, в которой явления восприятия протекают в изначальной презентации, ретенции и протенции как согласованность непрерывного само-подтверждения, вера есть непрерывная достоверность веры, которая в этой изначальности предмета в его телесном настоящем уверена. Но в этой твёрдой направленности на предмет, в непрерывности его испытывания, заключается интенция, которая сверх данного и его мгновенного модуса данности тендирует к продолжающемуся plus ultra. Это не только продолжающееся сознавание, но продолжение-стремление к новому сознанию как интерес к обогащению предметного «самого», которое eo ipso наступает с продолжающимся схватыванием. Так тенденция обращения идёт дальше как тенденция к совершенному исполнению.

Аффицирующее сначала в неразличённом единстве привлекает взгляд Я на себя. Но это единство тотчас распадается на свои конституирующие моменты; они начинают выделяться; пока один находится в точке взгляда, другие как принадлежащие к предмету тематически втянуты в интенциональное единство его и оказывают как таковые свои раздражения. Так же со всем действительно данным пробуждены горизонты; например, когда я вижу покоящийся вещный предмет спереди, в горизонте сознаётся невидимая задняя сторона; тенденция, которая прицеливается на предмет, направлена теперь на то, чтобы сделать его доступным и с другой стороны. Лишь в этом обогащении данности, проникновении в единичности и становлении данным «со всех сторон» тенденция переходит из начального модуса прицеливания в модус достижения, который, в свою очередь, имеет свои различные ступени: несовершенные достижения, частичные, с компонентами неисполненного прицеливания.

Так тенденция осуществляется в многообразном «делании» Я. Она направлена на то, чтобы явление (представление), которое Я имеет о внешнем предмете, перевести в другие и снова другие «явления того же объекта». Она движется в замкнутой множественности «возможных явлений». Она постоянно стремится к новым изменениям явления, чтобы привести предмет к данности со всех сторон. Направлена она при этом на один идентичный объект, который «представляет» себя во всех явлениях, тот же предмет с этой стороны и с той стороны, вблизи и вдали; но тенденция направлена на то, чтобы нечто в как одного способа явления

превратить в то же нечто в как других способов явления. Она направлена на «порождение» всё новых способов явления, которые мы можем назвать также «образами» — понятие образа, которое, конечно, не имеет ничего общего с отображением, но вполне употребительно в языке; так, когда говорят об образе, который составляют себе о вещи, подразумевая именно способ, каким её видят, каким она себя представляется.

В этом смысле всякий предмет внешнего восприятия дан в «образе», и он конституируется в синтетическом переходе от образа к образу, причём образы как образы (явления) того же самого приходят к синтетическому совпадению. Всякое восприятие, которое предлагает мне объект в этой ориентации, оставляет переходы в другие явления того же объекта, и притом в определённых группах явлений, практически открытыми; возможности перехода суть практические возможности, по крайней мере когда речь идёт об объекте, который дан как неизменно длящийся. Здесь есть, следовательно, свобода прохождения таким образом, что я двигаю глазами, двигаю головой, меняю положение тела, обхожу вокруг, направляя взгляд на объект, и т. д. Эти движения, которые принадлежат существу восприятия и служат тому, чтобы привести предмет восприятия по возможности со всех сторон к данности, мы называем кинестезами. Они суть осуществления тенденций восприятия, в известном смысле «деятельности», хотя и не произвольные действия. Я осуществляю тем самым (в общем) не произвольные акты. Непроизвольно я двигаю глазами и т. д., не «думая при этом о глазах». Соответствующие кинестезы имеют характер деятельных субъективных протеканий; с ними рука об руку, ими мотивированно, идёт протекание сменяющихся «принадлежащих» визуальных или тактильных «образов», в то время как предмет мне «дан» в покоящейся длительности или в своём изменении. Я, с одной стороны, рецептивен в отношении него, а с другой — всё же продуктивен. Наступление образов стоит «в моей власти»; я могу и прервать ряд, я могу, например, закрыть глаза. Но не в моей власти то, что, когда я даю кинестезам протекать, наступает другой образ; по отношению к нему я просто рецептивен: если я ввожу в игру эти и эти кинестезы по отношению к объекту, наступят эти и эти образы. Это значимо для покоя, как и для движения, для изменения, как и для неизменности.

Так восприятие, начинаясь с первого обращения Я, одушевлено тенденциями восприятия, тенденциями непрерывного перехода апперцепций в новые апперцепции, тенденциями проходить кинестетические множественности и тем приводить «образы» к протеканию. Настроен я при этом всегда на являющееся в образах, себя представляющее, и специально на эти или те его моменты, формы и т. п. Эта игра тенденций, тенденциозно регулируемое протекание мотивирующих кинестез, принадлежит сущностному составу внешнего восприятия. Всё это деятельные протекания, протекания тенденций, которые в ходе расслабляются.

При предыдущем описании предполагалось, что тенденции восприятия осуществляются после первого обращения и что это осуществление продолжается в свете обращения. Но объекты моего поля зрения могут, например, оказывать свои раздражения и развёртывать тенденции, которым я следую движениями глаз, без того чтобы я был внимательно обращён. Эти апперцептивные протекания как деятельные протекания возможны без обращения Я. С другой стороны, лишь обращение, соответственно осуществление апперцепций в обращении Я, в форме «я воспринимаю», делает то, что объект есть мой объект, объект моего созерцания, и что само созерцание, прохождение кинестез, мотивированное протекание явлений есть моё прохождение, моё созерцание предметного сквозь образы. В cogito живёт Я, и это даёт всему содержанию cogito его особое я-отношение. Обращение само охарактеризовано как «я делаю», и равным образом блуждание лучей внимающего взгляда, взгляда в модусе обращения, есть «я делаю». Различается, следовательно:

1. делание, которое не есть «я-делаю», делание до обращения;

2. я-делаю, которое, однако, как сказано, тоже не должно заключать в себе ничего от произвольного действия: непроизвольно я двигаю глазами, в то время как внимательно обращён к предмету.

§ 20. Более узкое и более широкое понятие интереса.

Мы говорили также об интересе, который пробудился с обращением к предмету. Теперь обнаруживается, что этот интерес ещё не имеет ничего общего со специфическим волевым актом. Это не интерес, который производил бы из себя нечто вроде намерений и волевых действий. Это лишь момент стремления, принадлежащий существу нормального восприятия. То, что мы при этом говорим об интересе, имеет своё основание в том, что с этим стремлением рука об руку идёт чувство, и притом положительное чувство, которое, однако, не следует смешивать с чувством удовольствия от предмета. Может, правда, быть и так, что сам предмет затрагивает наше чувство, что он нам ценен и что мы поэтому обращаемся к нему и задерживаемся при нём. Но столь же хорошо может быть, что он есть неценность и именно своей отвратительностью пробуждает наш интерес. Так чувство, принадлежащее интересу, есть совершенно своеобразно направленное. В любом случае — мотивируется ли наше обращение ценностью предмета или его неценностью, которую мы в нём ощущаем, — необходимо, как только мы его схватываем, его чувственное содержание обогатится, отчасти через его простое наглядное продолжение в восприятии, отчасти через происходящее при этом пробуждение его тёмных горизонтов, соотнесённых с возможностями и ожиданиями всё новых обогащений. С этим связывается собственное чувство удовлетворения от этого обогащения, и в отношении этого горизонта расширяющегося и возрастающего обогащения — стремление «всё ближе подходить» к предмету, всё совершеннее присваивать себе его самость. На более высокой ступени это стремление может затем принять форму собственно воли, воли к познанию, с намеренными целеполаганиями и т. п. Но это здесь, где мы находимся в сфере простого восприятия и примыкающего к нему углублённого рассмотрения, ещё не идёт в расчёт.

От развитого здесь понятия интереса следует отличать другое, более широкое. Это стремление входить в предмет и удовлетворение от обогащения его самости наступает не тогда, когда я предмету просто вообще обращён, но лишь тогда, когда я обращён к нему в специфическом смысле темы. Тема в этом точном смысле и предмет я-обращения не всегда совпадают. Я могу тематически быть занят чем-то, например, научной работой, и буду при этом отвлечён шумом с улицы. Он вторгается в меня, и я на мгновение обращаюсь к нему. Тем не менее моя прежняя тема этим не оставлена, но лишь на мгновение отступила в фон. Она остаётся при этом моей темой, к которой я, когда помеха минует, тотчас возвращаюсь. В отношении этого можно образовать более широкое понятие интереса, соответственно актов интереса. Под такими тогда понимаются не только те, в которых я тематически обращён к предмету, например, воспринимая и затем углублённо рассматривая, но вообще всякий акт — будь то преходящего или длящегося — я-обращения, соприсутствия (inter-esse) Я.

§ 21. Торможение тенденций и происхождение модализаций достоверности.

Вернёмся теперь снова к интересу в первом и собственном смысле. В осуществлении своего тенденциозного продолжения-стремления к всё новым способам данности того же предмета возникает конкретное восприятие. Эти тенденции могут осуществляться беспрепятственно или с препятствием.

Это означает следующее: тенденции суть не просто слепое продолжение-стремление к всё новым способам данности предмета, но они идут рука об руку с интенциями ожидания, с протенциональными ожиданиями, которые относятся к тому, что в дальнейшем ходе воспринимающего рассмотрения придёт от предмета к данности, — ожиданиями, например, относительно ещё не видимой задней стороны. Так каждая фаза восприятия есть система лучей актуальных и потенциальных интенций ожидания. В нормальном случае восприятия, в беспрепятственном непрерывном протекании фаз, в обычно просто так называемом восприятии, имеет место непрерывный процесс актуализирующего возбуждения, затем постоянного

исполнения ожиданий, причём исполнение одновременно всегда есть и ближайшее определение предмета. Удовлетворение интереса, исполнение тенденций в продолжении-стремлении от фазы восприятия к фазе восприятия, от способа данности к способу данности предмета, есть вместе с тем исполнение интенций ожидания. Это нормальный случай беспрепятственного протекания интенций; предмет тогда стоит перед нами в простой достоверности веры как сущий и так-сущий.

Противоположный случай — тот, что тенденции тормозятся. Тогда дело останавливается, например, на одном образе предмета. Он приходит к данности не со всех сторон, но лишь «с этой стороны». Тогда восприятие прерывается — либо потому, что предмет исчезает из поля восприятия или заслоняется другим, выдвигающимся перед ним, либо потому, что он хотя и продолжает воспринимаемо стоять перед нами, но заявляет о себе другой, более сильный интерес, дающий повод к иному тематическому занятию и вытесняющий интерес к предмету, без того чтобы дело дошло до полного осуществления и исполнения его тенденции. Интерес остаётся более или менее неудовлетворённым.

а) Происхождение негации.

Но и иным образом могут вступать торможения в ход исполнения тенденций: интерес восприятия к предмету может продолжаться; он продолжает рассматриваться, продолжает быть данным так, что может быть рассматриваем. Однако вместо исполнения интенций ожидания наступает разочарование. Например, видится равномерно красный шар; на протяжении некоторого отрезка ход восприятия протекал так, что это схватывание согласованно исполнялось. Но вот в ходе восприятия постепенно показывается часть прежде невидимой задней стороны, и вопреки первоначальному предуказанию, которое гласит «равномерно красный, равномерно шаровидный», наступает разочаровывающее ожидание сознание иного: «не красный, а зелёный», «не шаровидный, а вдавленный». При этом, однако, при всех обстоятельствах, чтобы ещё могло сохраниться единство интенционального процесса, предполагается известная мера сквозного исполнения. Коррелятивно: известное единство предметного смысла должно удержаться сквозь протекание сменяющихся явлений. Лишь так мы в ходе переживания с его явлениями имеем согласованность сознания, единую, все фазы охватывающую интенциональность, здесь — единство сознания восприятия об этом предмете и единство тенденциозной направленности на рассмотрение этого предмета. Единая смысловая рамка удерживается, следовательно, в непрерывном исполнении; затронута лишь часть предуказывающей интенции ожидания, именно относящаяся к соответствующему участку поверхности, и соответствующая часть предметного смысла (мнимого предмета как такового) получает характер «не так, а иначе». При этом наступает противоборство между ещё живыми интенциями и смысловыми содержаниями, выступающими в новоучреждённой оригинальности. Но не только противоборство: вновь конституированный предметный смысл в его телесности как бы выбивает своего противника из седла; покрывая его, лишь пусто предожидавшегося, своей телесной полнотой, он одолевает его. Новый предметный смысл «зелёный» в его импрессиональной исполняющей силе имеет достоверность в первичной силе, которая одолевает достоверность предожидания как красного-сущего. Как одолённая, она теперь ещё сознаётся, но с характером «недействительного». С другой стороны, «зелёный» встраивается в остальную смысловую рамку. «Зелёный и вдавленный», выступающее в новой фазе восприятия, и весь аспект вещи с соответствующей стороны продолжает предшествующий ряд явлений, ретенционально ещё сознаваемый, по смыслу в согласованном ходе.

Правда, при этом происходит известное удвоение во всём смысловом содержании восприятия: как ожидаемое новое и «иное» покрывает и делает недействительным протенционально предуказанный в прежнем ходе восприятия смысл «красный и шаровидный», так соответственно происходит и обратно — во всём прежнем ряду. То есть смысл восприятия меняется не только в мгновенном новом отрезке восприятия; ноэматическое превращение

излучается в форме обратного зачёркивания назад в ретенциональную сферу и преобразует её смысловое достижение, происходящее из прежних фаз восприятия. Прежняя апперцепция, которая была настроена на последовательно продолжающееся «красный и равномерно круглый», имплицитно «перетолковывается» в «с одной стороны зелёный и вдавленный». По существу в этом заключается, что если бы мы сделали наглядными ретенциональные составы, то есть ещё свежий сознаваемый, но ставший совершенно тёмным ряд явлений, в эксплицитном воспоминании, мы нашли бы во всех его горизонтах не только старое предуказание в старой структуре ожидания и исполнения, как оно тогда было изначально мотивировано, но над ним наложенное соответственно преобразованное предуказание, которое теперь сквозным образом указывает на «зелёный и вдавленный»; и притом таким образом, который характеризует противоборствующие с ним моменты старого предуказания как недействительные. Поскольку же эти смысловые моменты суть лишь моменты единого и в твёрдом единстве организованного смысла, весь смысл ряда явлений модально изменён и одновременно удвоен. Ибо старый смысл ещё сознаётся, но покрыт новым и зачёркнут по соответствующим моментам.

Тем самым описано изначальное явление негации, недействительности или «снятия», «иного». То, что было проанализировано на примере внешнего восприятия, аналогичным образом значимо для всякого другого полагающе-мнящего (позиционального) сознания и его предметностей. Обнаруживается, следовательно, что негация не есть прежде всего дело предикативного суждения, но что она в своей первичной форме выступает уже в предпредикативной сфере рецептивного опыта. О каком бы роде предметностей ни шла речь, для негации всегда существенно наложение нового смысла на уже конституированный вместе с его вытеснением; и коррелятивно в ноэтическом отношении — образование второй апперцепции, которая лежит не рядом с первой, вытесненной, но над ней и с ней борется. Борется вера с верой, вера одного смыслового содержания и модуса созерцания с верой другого смыслового содержания в его модусе созерцания.

В нашем примере борьба состоит в своеобразном «снятии» антиципирующей интенции, ожидания — новой импрессией, для чего разочарование есть лишь другое выражение; и притом это снятие по определённому составному элементу, в то время как по остальному согласованность исполнения сохраняется. Непосредственно затронутое снятием, первично несущее характер «не», есть предметный момент красный и его антиципированное «сущий». Лишь в качестве следствия этого в вере зачёркивается сама вещь как субстрат притязаемого красного: «мыслимая» как всюду красная вещь не есть; эта же самая вещь, напротив, в том и том месте зелёная. После превращения, которое первоначально простое и нормальное восприятие претерпело в силу зачёркивания, мы в известном смысле снова имеем восприятие, подобное нормальному, поскольку идущее рука об руку с зачёркиванием смысловое превращение производит восприятие единого и сквозным образом согласованного смысла, в котором мы постоянно находим исполнение интенций: с введением «зелёный и вдавленный» всё снова сходится. Но отличие от прежнего состоит в том, что для сознания ретенционально сохраняется также система старой апперцепции восприятия, которая частично проникает новую. Эта старая ещё сознаётся, но в характере снятой. Можно также сказать, что старый смысл объявляется недействительным и под него подкладывается другой как действительный смысл. Это лишь другие выражения для негации и субституции нового исполняющего смысла вместо интендированного.

Итак, получается:

1. Негация предполагает здесь в изначальности нормальную изначальную конституцию предмета, которую мы обозначаем как нормальное восприятие, нормальное беспрепятственное осуществление интереса восприятия. Она должна быть, чтобы изначально могла быть модифицирована. Негация есть модификация сознания, которая сама по своему собственному

существу объявляет себя таковой. Она всегда есть частичное зачёркивание на почве сохраняющейся при этом достоверности веры, в конечном счёте на почве универсальной веры в мир.

2. Изначальная конституция предмета восприятия совершается в интенциях (при внешнем восприятии — в апперцептивных схватываниях), которые по своему существу могут в любое время принять модификацию через разочарование протенциональной веры ожидания; эта модификация имеет место вместе с сущностно наступающим при этом наложением друг на друга противоположно направленных интенций.

b) Сознание сомнения и возможности.

Но не только изначальный феномен негации можно найти уже в предпредикативной сфере; также и так называемые модальности суждения, составляющие ядро традиционной формальной логики, имеют своё происхождение и своё основание в событиях предпредикативного опыта. Не всегда должно просто дойти до гладкого разрыва нормально протекающего восприятия, до гладкого разочарования одной из принадлежащих к нему интенций ожидания. Вместо простого зачёркивания может наступить и простое становление сомнительным, причём не просто так зачёркивается прежде просто значимая апперцепция восприятия. Сомнение представляет собой переходный модус к отрицающему снятию, который, однако, может выступать и как длящееся состояние. Мы видим, например, в витрине фигуру, которую сначала принимаем за действительного человека, например, служащего, занятого там. Но затем мы становимся колеблющимися, не есть ли это просто манекен. Сомнение при ближайшем рассмотрении может разрешиться в ту или другую сторону; но может и на время сохраниться состояние парения сомнения — человек или кукла. При этом накладываются друг на друга две апперцепции восприятия; одна держится в нормально протекшем восприятии, с которого мы начали; некоторое время мы видели там человека, согласованно и неоспоримо, как и другие вещи окружения. Это были нормальные, отчасти исполненные, отчасти неисполненные интенции, в непрерывной последовательности процесса восприятия нормально исполнявшиеся без всякого противоборства, без всякого разрыва. Но затем наступает не гладкий разрыв в форме решительного разочарования, то есть не противоборство интенции ожидания с новым наступающим явлением восприятия с зачёркиванием первой; напротив, теперь вдруг полное, конкретное содержание собственного явления получает накладывающееся на него второе содержание: визуальное явление, исполненная цветностью пространственная Gestalt, было прежде снабжено ореолом апперцептивных интенций, дававших смысл «человеческое тело» и вообще «человек»; теперь на него накладывается смысл «одетая кукла». В собственно видимом ничего не меняется, да и вообще ещё больше общего; с обеих сторон совместно апперципированы одежда, волосы и т. п., но один раз — плоть и кровь, другой раз — например, раскрашенное дерево. Один и тот же состав данных ощущения есть общая основа двух наложенных друг на друга апперцепций. Ни одна из них во время сомнения не зачёркнута; они стоят во взаимной борьбе, каждая имеет, так сказать, свою силу, мотивирована прежним положением восприятия и его интенциональным содержанием, как бы требуется. Но требование стоит против требования, одно оспаривает другое и испытывает от него то же самое. В сомнении остаётся нерешённая борьба. Поскольку пустые горизонты конституируют предметность лишь вместе с совместно наглядным ядром, то мы имеем здесь расхождение первоначального нормального восприятия, которое конституировало лишь один смысл в согласованности, так сказать, в двойное восприятие. Это два восприятия, проникающие друг друга в силу общего ядерного содержания. И всё же, собственно, не два, ибо их противоборство означает также известное взаимное вытеснение. Овладевает одна апперцепция общим наглядным ядром, актуализируется — и мы видим, например, человека. Но вторая апперцепция, направленная на куклу, не стала ничем; она оттеснена, выведена из действия. Затем, например, выпрыгивает апперцепция куклы; мы видим куклу, и тогда апперцепция человека есть выведенная из функции, оттеснённая.

Удвоение, следовательно, не есть действительно удвоение восприятий, хотя основной характер восприятия, сознание телесности, имеет место с обеих сторон. Если апперцепция человека перескакивает в апперцепцию куклы, то сначала человек стоит в телесности, а в другой раз — кукла. Но в истине ни то ни другое не стоит так, как человек стоял до начала сомнения. Очевидно, модус сознания изменён, хотя предметный смысл и его способ явления по-прежнему имеют модус телесности. Тем не менее модус веры, соответственно бытия, существенно изменён; способ, каким телесно являющееся сознаётся, стал другим. Вместо того чтобы, как в нормальном, односмысленно и одновременно согласованно протекающем восприятии, сознаваться как просто-наличествующее, оно теперь сознаётся как сомнительное, как сомненное, как спорное: оспариваемое другим, телесно данным другой фазы восприятия, проникающимся с ним в противоборстве.

Можно выразить это и так: сознание, которое оригинарно, телесно делает сознаваемым, имеет не только модус телесности, отличающий его от репродуцирующего сознания и пустого сознания, которые не делают сознаваемым тот же предметный смысл в телесности, но имеет и изменчивый модус бытия или значимости. Первоначальное, нормальное восприятие имеет первичный модус сущее, значимое просто; это просто-напросто наивная достоверность; являющийся предмет стоит в неоспоренной и неразорванной достоверности. Неоспоренность указывает на возможные оспаривания или даже разрывы, именно на такие, как теперь описанные, с которыми в становлении двойственным совершается преобразование модуса значимости. В сомнении обе борющиеся друг с другом телесности имеют одинаковый модус значимости «вопросно», и каждое вопросное есть именно оспариваемое, оспариваемое другим.

Но всё это значимо не только для мгновенного положения восприятия в теперешней фазе, но также, как при негации, и здесь по существу противоборство действует обратно на уже протёкшие фазы. И в них односмысленное сознание распадается на многосмысленное: то есть становление двойственным с его апперцептивным наложением продолжается в ретенциональное сознание. Если мы затем осуществляем эксплицитное воспроизведение отрезка восприятия, предшествовавшего сомнению, то он теперь уже не дан в своей односмысленности, как любое другое воспоминание, но принял то же удвоение; всюду над апперцепцией человека наложена апперцепция куклы. То же значимо для воспоминания. В силу обратного излучения в ретенцию и тем самым в эксплицирующее воспоминание и в нём совершается модализация. Конечно, мы при этом имеем в виду лишь отрезки прошлого для того же самого, что теперь ещё продолжается как телесно присутствующее. В то время как нормальное воспоминание, через то что оно есть репродукция нормального восприятия, делает репродуцированное сознаваемым в нормальном модусе значимости достоверности как достоверно сущее, воспоминание, затронутое тем обратным излучением двойственности, предлагает изменённый модус значимости «вопросно», вопросно, так или так было, было как человек или как кукла.

И в этом случае становления сомнительным, так же как при негации, наличествует торможение в ходе исполнения тенденциозного интереса восприятия. Хотя и не доходит до торможения тенденций восприятия в форме гладкого разочарования, как при негации, но всё же не доходит и до согласованного удовлетворения и исполнения принадлежащих восприятию интенций ожидания. Их ход и тем самым удовлетворение интереса заторможены таким образом, что Я, следуя влечению аффекций, не приходит к простой достоверности, но и не к зачёркиванию достоверности, но, так сказать, влечётся туда и сюда между склонностями веры, не будучи в состоянии в случае сомнения решиться на одну. Оно колеблется между апперцепцией человек или кукла. Принадлежащие восприятию предваряющие интенции ожидания дают не однозначное, но двузначное предуказание. Это ведёт к противоборству со стороны сознания со склонностью веры для каждой стороны. А именно: актуализируя для себя мотивации, идущие в одну сторону, к апперцепции как «человек», Я следует туда идущему согласованному требованию. Отдаваясь ему, так сказать, исключительно, и оставляя без действия говорящее

за другую сторону «кукла», оно испытывает силу притяжения, склонность обратиться в достоверности. Но равным образом и при актуализации противоположных интенций.

Так модализируется нормальный я-акт восприятия с его простой достоверностью веры в актах, которые мы называем предположениями веры. В отношении ноэматической стороны, сознаваемых предметов, мы говорим также о предположении бытия. Это означает, что от предмета исходит аффекция, что он, как и его враждебный партнёр, предполагается Я как сущий и так-сущий. Это предполагаемое мы называем также (рассматривая вне отношения к Я) возможным; в этой борьбе склонностей веры, коррелятивно — предположений бытия, имеет своё происхождение понятие возможности. Возможное-бытие, возможность есть, следовательно, феномен, который так же, как негация, выступает уже в предпредикативной сфере и там наиболее изначально дома. В этом случае это проблематические возможности, которые находятся друг с другом в борьбе. Мы можем назвать их также вопросными возможностями. Ибо возникающая в сомнении интенция на решение одного из предполагаемых членов сомнения называется вопрошающей интенцией. Лишь там, где в игре находятся предположения и противоположения, за которые и против которых что-то говорит, может идти речь о вопросности. Наиболее характерное выражение для этого рода возможности — однако предполагаемая возможность.

Лишь в этом случае возможностей, за которые что-то говорит, может идти речь и о вероятности: для одной из двух сторон из всего положения восприятия может быть большей склонность веры, соответственно предположение бытия, для другой — меньшей: «вероятно, что это человек». За возможность того, что это человек, говорит больше. Вероятность обозначает, таким образом, вес, присущий предположениям бытия. Предполагаемое более или менее предполагаемо, и притом это значимо и при сравнении всех, возможно, многообразных проблематических возможностей, которые принадлежат к одной и той же борьбе и через неё синтетически связаны: ибо и противоборство, расщепление сознания на взаимное торможение создаёт единство; ноэматически это единство друг-против-друга, тем самым связанных друг с другом возможностей.

c) Проблематическая возможность и открытая возможность.

Своеобразие проблематической возможности, происходящей из положения сомнения, выступит ещё яснее, если мы противопоставим ей другой род возможности, который мы обозначаем как открытую возможность и появление которого также обосновано в структуре хода восприятия, и притом беспрепятственно, без разрыва протекающего хода восприятия. Правда, то, что интенционально предуказано в апперцептивном горизонте восприятия, не есть возможное, но достоверное. И всё же в таких предуказаниях всегда заключены возможности, да и объёмы многообразных возможностей. Предуказание, которое дано в восприятии вещи с передней стороны для невидимых сторон, есть неопределённо всеобщее. Эта всеобщность есть ноэтический характер пусто предуказывающего сознания и коррелятивно для предуказанного — характер его предметного смысла. Например, цвет вещной задней стороны не предуказан как совершенно определённый цвет, если вещь нам ещё неизвестна, и мы её уже точно не видели с другой стороны; «какой-то цвет» всё же предуказан, а возможно, и ещё больше. Если передняя сторона узорчатая, то мы будем ожидать и для задней стороны сквозной узор; если это равномерный цвет с разного рода пятнами, то, возможно, и пятна для задней стороны и т. п. Но неопределённость остаётся и там. Это предуказывание имеет теперь, как и все прочие интенции в нормальном восприятии, модус наивной достоверности; но оно имеет этот модус именно по тому, что делает сознаваемым, и так, с тем смыслом, с каким делает сознаваемым. Достоверен «какой-либо цвет вообще» или «цвет вообще, прерываемый пятнами» и т. п., то есть неопределённая всеобщность.

Конечно, употребление этой речи о всеобщности есть здесь лишь вспомогательное средство косвенного, на сами феномены указывающего описания. Ибо о логических понятиях, о

классифицирующих или генерализирующих всеобщностях здесь нечего и думать, но просто об этом предмнении восприятия, каково оно в нём с его модусом сознания неопределённости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.